

БРОШЕННАЯ
Снежная Королева
ДРАКОНА

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Юлий Люцифер

Брошенная снежная королева дракона

<https://litres.ru/74221147>

Аннотация

Я очнулась в теле женщины, которую здесь ненавидят слишком многие.

Снежная королева. Жена дракона. Хозяйка северного дворца, от которой уже отвернулся собственный муж.

Он давно не смотрит в ее сторону, двор шепчется о новой избраннице, а советники ждут лишь одного — когда брошенная королева окончательно сломается и тихо исчезнет из их жизни.

Вот только они ошиблись.

Я не та покорная тень, которую привыкли презирать.

Я не стану молча глотать унижение, делить свой трон с чужой женщиной и наблюдать, как меня медленно стирают из этого мира.

Если ради своего удобства дракон сделал из жены ледяную статую — он пожалеет.

Потому что лед умеет не только украшать корону. Лед умеет резать до крови.

Во мне просыпается древняя сила севера, дворец начинает шептать забытые тайны, а прошлое прежней снежной королевы оказывается куда страшнее, чем все местные сплетни.

Мой брак скрывает ложь. Моя корона — чужую кровь. А женщина, занявшая место рядом с драконом, пришла не за любовью.

Она пришла добить ту, что должна была умереть еще раньше.

Но я не умру.

Я верну себе имя, власть и право решать, кто достоин стоять рядом со мной.

И когда дракон наконец поймет, кого потерял, будет уже поздно.

Потому что брошенная снежная королева дракона — это не забытая жена.

Это бедствие, которое переживут не все.

Содержание

Глава 1. Проснуться в ледяной постели	5
Глава 2. Жена, которую уже списали	29
Глава 3. Другая женщина в его крыле	61
Глава 4. Корона, что режет виски	105
Глава 5. Запечатанная башня севера	139
Глава 6. Тайна прежней королевы	167
Глава 7. Северный дворец шепчет	193
Глава 8. Я не отдам им себя	224
Глава 9. Слуги выбирают сторону	251
Конец ознакомительного фрагмента.	282

Глава 1. Проснуться в ледяной постели

Холод был первым, что я почувствовала.

Не тот обычный утренний холод, когда ночью сползло одеяло и хочется, не открывая глаз, нащупать его ногой. Нет. Этот холод был живым. Он полз по коже медленно, как чувящие пальцы, забирался под тонкую сорочку, сковывал ребра, вгрызался в виски. Казалось, я лежу не на постели, а на плите из льда — гладкой, безжалостной, древней.

Я попыталась вдохнуть глубже и тут же закашлялась.

Воздух обжег горло морозом.

Что за...

Ресницы дрогнули. Открывать глаза не хотелось: слишком ярко мерцал даже сквозь веки бело-голубой свет. Голова раскалывалась так, будто меня не просто ударили, а аккуратно и с чувством разбили череп на части, а потом кое-как собрали обратно. Сердце билось редко, тяжело, словно тоже замерзло и теперь работало через силу.

Я все-таки открыла глаза.

Надо мной висел белоснежный полог из полупрозрачной ткани, вышитой серебром. По нему бежали узоры инея — не нарисованные, а настоящие, тонкие, хрустальные, будто мороз рисовал их прямо сейчас, у меня на глазах. Где-то за тканью мерцал бледный свет. Не электрический. Мягкий, колеблющийся — то ли от свечей, то ли от чего-то еще более странного.

Я моргнула. Медленно повернула голову.

Комната была огромной.

Потолок терялся в полумраке, своды поднимались так высоко, что я не сразу поняла, где они заканчиваются. Стены — белый камень, серебряные колонны, окна от пола до потолка, за которыми бушевала снежная мгла. Не город. Не отель. Не больница. И уж точно не моя квартира с облезлой кухней, разбитой кружкой в раковине и недочитанной книгой на тумбочке.

Я резко села.

Зря.

Мир качнулся, в глазах потемнело. Лоб пронзила боль — острая, тонкая, как игла. Я схватилась за голову и нащупала что-то металлическое.

Корона.

Не диадема, не ободок, а настоящая тяжелая корона из серебристого металла, похожего на лед. Острые зубцы впились в волосы и, кажется, в самую кожу. Я инстинктивно попыталась сорвать ее, но пальцы едва коснулись холодного металла, как по руке прошел разряд боли.

— Ах!..

Я отдернула ладонь. На коже проступила тонкая красная полоска.

Паника пришла не сразу. Сначала было только тупое, растерянное неверие. Я смотрела на собственные руки — слишком белые, слишком тонкие, с длинными пальцами и прозрачными ногтями, похожими на полированные жемчужины. Не мои руки. У меня на безымянном пальце никогда не было тонкого кольца с голубым камнем. У меня не было такой фарфоровой кожи. И точно не было серебристых волос, которые тяжелой волной сползли через плечо, когда я опу-

стила взгляд.

Я вцепилась в прядь.

Светлая. Почти белая.

Нет.

Нет-нет-нет.

Я сползла с постели, едва не запутавшись в тяжелом покрывале, и босиком бросилась к ближайшему зеркалу.

Оно стояло в нише между окнами — высокое, в раме из белого металла и ледяных цветов. В отражении мелькнула женщина.

Я.

И не я.

Высокая. Тонкая до хрупкости. Волосы — длинные, платиново-белые, тяжелыми волнами рассыпанные по плечам. Лицо — бледное, правильное, красивое до болезненности. Высокие скулы, прямой нос, четко очерченные губы, светлые глаза, в глубине которых плескалось что-то слишком хо-

лодное, слишком чужое. Даже в растерянности эта женщина выглядела так, будто никогда в жизни не повышала голос — только убивала взглядом.

На шее — тонкая цепочка с ледяным камнем. На плечах — белая полупрозрачная сорочка, больше похожая на ночное платье королевы, чем на одежду живого человека. И эта проклятая корона.

Я смотрела на свое отражение, а оно — на меня.

И в какой-то страшный момент мне почудилось, что женщина в зеркале знает больше, чем я.

Я отшатнулась.

— Это не смешно, — прошептала я, хотя рядом никого не было. — Это вообще ни черта не смешно...

Голос тоже был чужой. Ниже, мягче, как будто в нем всегда была привычка к приказу.

Я судорожно обернулась, будто надеялась увидеть съемочную группу, камеру, спрятанный проектор, кого угодно, кто объяснит, что это розыгрыш. Но комната была пуста. Только снег за окнами, дрожащий свет и собственное дыхание, об-

лачком белого пара вырывающееся изо рта.

И тогда в голове вспыхнуло.

Не воспоминание даже — обломок. Чужой. Резкий.

Темный зал.

Мужчина с глазами цвета ночного пламени.

Его голос — ледяной, усталый, без капли тепла:

*— С этого дня ты больше не делишь со мной ни ложе,
ни трон.*

Я зажмурилась так резко, что заболели веки.

Потом еще один обломок:

женский смех,

чужая рука на мужском плече,

звон бокалов,

чей-то шепот:

*— Брошенная королева все еще делает вид, что имеет
значение.*

Я схватилась за виски.

— Нет... нет, не надо...

Но оно шло дальше — чужое, навязанное, будто треснувшая плотина начала пропускать ледяную воду.

Снежная королева.

Северный дворец.

Жена дракона.

Та, которую больше не любят.

Я сползла на пол прямо у зеркала. Мрамор оказался таким холодным, что через секунду ноги свело, но я даже не заметила. В груди разрасталась пустота, а в голове постепенно складывались слова, от которых хотелось смеяться и орать одновременно.

Попаданка.

Я, взрослая нормальная женщина, которая еще вчера — или когда там было мое «вчера» — думала о сроках, деньгах, сломанной стиральной машине и том, как бы не сорваться окончательно от усталости... теперь сидела на ледяном полу в теле какой-то королевы. Причем, судя по первым вспышкам памяти, не счастливой и любимой, а очень даже наоборот.

И если это сон, то у сна было слишком много деталей.

За дверью слышались шаги.

Не торопливые. Не встревоженные. Осторожные.

Я вскинула голову.

Двери — тяжелые, двустворчатые, с серебряной резбой — распахнулись ровно настолько, чтобы внутрь смогла пройти женщина лет сорока в темном строгом платье. Высокая, сухая, с идеально гладко уложенными волосами и лицом человека, который в жизни видел слишком много чужих падений, чтобы сочувствовать каждому.

Она остановилась на пороге и, увидев меня на полу, не ахнула, не бросилась поднимать, не испугалась.

Только чуть приподняла брови.

— Ваше величество, — произнесла она ровно, без тепла.
— Я не ожидала, что вы уже встанете.

Я моргнула. Раз, другой. Потом медленно поднялась, удерживаясь за край зеркала.

— А я не ожидала... — голос сорвался. Я кашлянула и заставила себя говорить тверже. — ...что кто-то войдет без

стука.

Женщина чуть склонила голову. Не как перед любимой госпожой. Скорее как перед неприятной, но все еще опасной обязанностью.

— Раньше вас это не смущало.

Раньше.

Ну да. Конечно.

Я сделала вдох. Легкие опять обожгло морозом.

— Видимо, многое изменилось.

Она внимательно посмотрела на меня. В этом взгляде мелькнуло что-то похожее на настороженность.

— Лекарь предупреждал, что после ночного приступа вы можете чувствовать слабость. Память тоже могла пострадать.

Так. Уже ближе.

— Приступа? — повторила я.

— Вам стало дурно после вчерашнего ужина. Вы потеряли сознание.

Вчерашний ужин.

И сразу — вспышка.

Большой зал, белое золото, холодный блеск хрусталя. Я — то есть та, чье тело теперь мое, — сижу слишком прямо, чтобы не рухнуть. Напротив мужчина с темными волосами и нечеловечески красивым лицом. Спокойный. Далекий. Рядом с ним — женщина в алом, слишком живая среди всего этого льда. Она улыбается. Он наклоняется к ней. В зале все замечают это, но делают вид, что не замечают. А потом что-то происходит. Резкий укол боли под ребрами. Тьма.

Меня передернуло.

— Кто вы? — спросила я быстрее, чем успела подумать, не выдаст ли это меня.

Женщина снова посмотрела пристально, на этот раз дольше.

— Леди Морвейн. Ваша управляющая двором.

Управляющая двором. Отлично. Почти дворецкий, только опаснее.

— Хорошо, леди Морвейн. — Я старалась говорить так, будто знаю этот мир не хуже ее. — Объясните, что... — «происходит» было бы слишком глупо. — ...произошло вчера.

Леди Морвейн опустила взгляд ровно настолько, чтобы это не выглядело вызовом.

— Его величество ужинал в северной столовой. Вместе с вами... и леди Эйлерой.

Имя резануло слух, как ножом по стеклу.

Эйлера.

Даже имя у соперницы было красивое. Мягкое. Теплое. Совсем не ледяное.

— Продолжайте, — сказала я.

— Леди Эйлера была приглашена по воле короля.

Короля.

Нет, не короля. Мужа. Моего — вернее, этой женщины — мужа. Дракона, который, судя по отголоскам памяти, уже давно решил не скрывать, что рядом с женой ему тесно.

— Вы чувствовали себя нехорошо весь вечер, — бесцветно продолжила Морвейн. — Но настояли на присутствии. Когда его величество сообщил, что леди Эйлера с этого месяца будет жить в западном крыле дворца, вы...

Она замолчала.

— Я? — тихо спросила я.

— Потеряли сознание.

Вот так просто.

Не скандал.

Не крик.

Не истерика.

Даже обидно.

Тело этой женщины, видимо, уже давно разучилось бо-

роться — только ломаться молча.

Я отвернулась к окну.

За стеклом бушевала белая мгла. На дальнем уступе скалы темнели башни замка — огромного, сказочного, неправдоподобного. Сотни шпилей, мосты, обледеневшие арки, лестницы, уходящие в снег. Все это возвышалось над пропастью, как сама зима, воплощенная в камне.

Красиво.

И очень похоже на клетку.

— Значит, она будет жить здесь, — произнесла я.

— Да, ваше величество.

— По воле моего мужа.

— Да.

— А весь двор уже в курсе.

Леди Морвейн не ответила. И молчание было красноречивее любого «да».

Я стиснула пальцы так сильно, что ногти впились в ладонь.

Прекрасно.

Мало того, что я оказалась черт знает где и черт знает в чьем теле. Так еще и в теле женщины, которую унижают открыто, на глазах у всех, не удосуживаясь даже прикрыться приличиями.

Где-то внутри поднялась злость.

Не моя — или, наоборот, очень даже моя. Жгучая, ясная, неожиданно отрезвляющая.

Я знала это чувство. Когда тебя не просто обидели, а уже списали. Решили, что ты ничего не сделаешь. Что ты слишком устала, слишком сломана, слишком поздно. Это чувство я знала слишком хорошо. Может, не в дворцах, не с коронами и драконами — но знала.

И именно оно не позволило мне рассыпаться сейчас на ледяном полу.

— Лекарь осматривал меня? — спросила я.

— Да.

— И что сказал?

— Что ваша магия снова нестабильна.

Магия. Конечно. Было бы странно, если бы попаданство обошлось без нее.

— Снова? — уточнила я.

— Последние месяцы приступы участились.

Последние месяцы.

То есть эта женщина медленно умирала на глазах у всех?
И никому не было дела?

— Его величество приходил? — спросила я, и сама не поняла, зачем.

Леди Морвейн чуть заметно напряглась.

— Нет.

Я усмехнулась. Вышло тихо и очень холодно.

Нет так нет.

Отчего-то этот короткий ответ ударил сильнее, чем все остальное. Не потому, что мне был нужен этот мужчина. Я его даже не видела по-настоящему, только вспышками чужой памяти. Но в этом «нет» было столько окончательного равнодушия, что стало ясно: прежняя хозяйка тела была здесь не женой. Она была призраком, которого терпели по старому долгу.

— Подайте платье, — сказала я.

Морвейн моргнула.

— Простите?

— Я хочу встать. Одеться. И выйти из этой комнаты.

— Ваше величество, лекарь велел вам оставаться в покоях до вечера.

— Лекарь может лечить мою слабость, — я повернулась к ней, — но не будет решать, когда мне дышать.

Взгляд Морвейн изменился. Впервые за весь разговор в нем мелькнуло настоящее удивление.

Хорошо. Пусть удивляется.

Если прежняя королева молча падала в обморок, я падать не собиралась. По крайней мере не у них на глазах.

Леди Морвейн медленно склонила голову.

— Как пожелаете.

Она хлопнула в ладони, и в комнату вошли две служанки — совсем юные, белые как полотно. Они смотрели на меня так, будто я могла в любую секунду превратиться в ледяное чудовище и откусить им руки.

Очень вдохновляет.

Меня начали одевать быстро, ловко, почти без слов. Сначала нижнее платье из тонкого белого шелка, потом тяжелое верхнее — ледяно-голубое, расшитое серебром. Корсет стянул ребра так туго, что стало трудно дышать. На плечи легла мантия с мехом, холодным и мягким, как снег на рассвете. Волосы расчесали, переплели жемчужными нитями. Корону поправили осторожно, но даже легкое касание к ней отзывав-

лось странной пульсацией в голове.

Я терпела.

Потому что с каждым новым слоем ткани, украшений, меха, холода — я все отчетливее понимала: мир может быть чужим, тело — чужим, имя — тоже, но унижение, которое здесь оставили этой женщине, теперь лежит на моих плечах. А я слишком упряма, чтобы носить его покорно.

Когда все закончилось, я снова встала перед зеркалом.

Теперь отражение было еще опаснее.

Снежная королева.

Красивая. Холодная. Надломленная — если знать, куда смотреть. В изгиб шеи. В слишком усталый взгляд. В напряженные пальцы, которые никак не могли расслабиться.

— Ваше величество, — осторожно произнесла одна из служанок, — вы... правда хотите выйти?

Я повернула голову.

Девочка побледнела еще сильнее. Видимо, прежняя хо-

зьяйка тела за такой вопрос могла и наказать. Или, наоборот, расплакаться. Я не знала.

— Да, — ответила я. — А что, это запрещено?

Служанка опустила глаза.

— Нет, но... сегодня в малом зале будет совет. Его величество тоже будет там.

А вот это уже интересно.

Морвейн вмешалась ровным тоном:

— Обычно вы не присутствовали на советах в последние месяцы.

«Обычно» меня, значит, уже аккуратно вынесли за скобки власти. Оставили титул, драгоценности и красивую комнату. Все остальное — забрали.

Тем лучше.

— Значит, пора нарушить традицию, — сказала я.

И в этот момент внутри, под грудиной, что-то дернулось.

Резко. Больно. Ледяной иглой.

Я пошатнулась, вцепилась в спинку кресла — и увидела, как по поверхности зеркала напротив пробежал иней. Быстро. Как трещина, только белая. Служанки ахнули. Морвейн шагнула вперед, но остановилась.

Боль исчезла так же внезапно, как появилась.

А в зеркале — на долю секунды, не дольше — за моим отражением возникла еще одна фигура.

Женщина в белом.

С таким же лицом.

С такими же глазами.

Только мертво-спокойными.

Я моргнула — и она исчезла.

Сердце ухнуло вниз.

Нет. Нет, спасибо. С меня пока хватит сюрпризов.

— Вы это видели? — тихо спросила я.

— Что именно, ваше величество? — так же тихо ответила Морвейн.

Значит, не видела.

Или притворяется.

Я медленно отпустила кресло.

— Ничего.

Но это было не «ничего».

Это тело не было пустым. Эта история не началась с меня. И женщина, которой оно принадлежало, кажется, еще не договорила.

Я перевела взгляд на окно.

Где-то там, за бурей, был совет. Муж-дракон. Его новая избранница. Двор, который уже решил, что королева сломана. Люди, привыкшие говорить обо мне так, будто я уже наполовину мертва.

Что ж.

Плохая новость для них.

Я выпрямилась.

— Веди меня в малый зал, леди Морвейн.

Она замерла на мгновение, будто не поверила, что расслышала верно.

— Сейчас?

— Сейчас.

Слуги переглянулись. В комнате стало так тихо, что я слышала, как за окнами воет ветер, как где-то в глубине стен потрескивает лед, как бьется мое сердце — чужое и мое одновременно.

Морвейн склонила голову.

— Как прикажете, ваше величество.

Я пошла к двери, и тяжелый подол платья скользнул по мрамору, как волна снега.

С каждым шагом я чувствовала, как тело сопротивляет-

ся: слабость, холод, головная боль, странная ломота в висках от короны. Но под всем этим уже росло что-то новое. Не сила еще. Скорее упрямство. Ярость. Жгучее желание не дать этим людям больше ни секунды наслаждаться моим падением.

Когда двери распахнулись, в коридор ворвался ледяной воздух.

За порогом тянулась галерея из белого камня и стекла. За прозрачными арками — бездна, снег, башни, замерзшее небо. Красота такая, что от нее больно. И одиночество — еще больнее.

Я сделала первый шаг наружу.

И вдруг ясно поняла: что бы ни случилось со мной раньше, прежняя снежная королева проиграла не в тот день, когда муж привел другую женщину. И не в тот день, когда двор перестал ее уважать.

Она проиграла в тот миг, когда сама поверила, что больше ничего не может изменить.

Я — могла.

И собиралась начать прямо сейчас.

Потому что если этот мир решил подарить мне чужую корону, чужую боль и чужую зиму, он сильно просчитался в одном:

брошенной я быть не умела.

Глава 2. Жена, которую уже списали

До малого зала мы шли долго.

Не потому, что он находился так уж далеко. Просто дворец, казалось, был создан не для жизни, а для впечатления. Для того чтобы каждый шаг напоминал: ты здесь ничтожен перед камнем, льдом, высотой сводов и древностью этих стен. Коридоры тянулись один за другим, широкие галереи открывались в заснеженные внутренние дворы, лестницы уходили вверх и вниз так, будто замок рос не по плану архитектора, а по воле зимы.

Повсюду был белый цвет.

Белый камень. Белое золото. Серебро. Синий лед в прожилках мрамора. Свет, падающий сквозь высокие окна, тоже казался белым — мертвенно-чистым, лишенным человеческого тепла.

Подол платья шуршал по полу. Туфли на тонкой подошве почти не издавали звука. Рядом, на полшага позади, шла Морвейн — бесшумная, как тень. Еще дальше держались

две служанки, будто приставленные не столько помочь мне, сколько подхватить, если я снова рухну в обморок и не выдержу собственного выхода к миру.

Напрасно надеются.

Слабость никуда не делась. Наоборот — с каждой минутой тело все яснее давало понять, что его хозяйка в последнее время жила не лучшим образом. В груди временами неприятно ныло, корона пульсировала ледяной болью, а под ребрами будто носили острый осколок стекла. Но чем ближе мы подходили к залу, тем холоднее и яснее становились мои мысли.

Бояться было поздно.

Я уже проснулась в чужом теле.

Уже увидела женщину в зеркале.

Уже узнала, что муж этой женщины поселил любовницу в том же дворце.

После такого совет с придворными — это даже не катастрофа. Так, разминка.

— Ваше величество, — негромко произнесла Морвейн, когда мы миновали арку с высеченными в камне снежны-

ми лилиями, — я должна предупредить: сегодня в зале присутствуют не только советники севера, но и лорд-казначей, магистр печатей и представители двух родов, прибывших из горных владений.

— И? — спросила я, не замедляя шага.

— Ваше появление вызовет... обсуждение.

Я усмехнулась.

— Обсуждение и без меня прекрасно существует, леди Морвейн.

На этот раз она не стала спорить. И правильно. Люди, которые годами живут при дворе, должны бы знать простую вещь: если тебя обсуждают, когда ты молчишь, лучше начать говорить самой.

Мы свернули за еще один угол, и навстречу попалась первая пара придворных.

Мужчина в темно-синем камзоле, полный, важный, с бородой, похожей на аккуратно подрезанный сугроб. Рядом с ним — женщина в жемчужно-сером платье, с лицом, которое когда-то, вероятно, было милым, а потом научилось

жить в дворцовой злорадности. Они увидели меня одновременно.

И одновременно остановились.

Поклониться они, конечно, поклонились. Но не сразу. С той долей заминки, в которой скрыто все истинное отношение.

— Ваше величество, — произнес мужчина.

— Мы рады видеть, что вам лучше, — добавила женщина.

Ложь прозвучала так ровно, что я почти оценила.

— Не сомневаюсь, — сказала я.

Они переглянулись. Морвейн чуть заметно втянула воздух.

Пара отошла к стене, пропуская нас. Я не обернулась, но кожей чувствовала их взгляды в спину. И не только их. Дальше было больше: слуги, младшие придворные, стража, несколько незнакомых лордов. Каждый, увидев меня, сбиался с привычного движения. Кто-то кланялся чересчур низко, демонстрируя показное почтение. Кто-то, наоборот,

едва склонял голову. Кто-то смотрел с любопытством, словно разглядывал восставшую из склепа легенду.

Все они ожидали увидеть призрак.

Бледную, сломленную женщину, которая прячется в своих покоях и выходит только затем, чтобы напомнить о позоре старого брака.

А увидели королеву на ногах.

Этого уже было достаточно, чтобы испортить им утро.

Мы остановились перед высокими дверями из темного дерева, покрытого резьбой и ледяной патиной. По центру створок мерцал герб: дракон с расправленными крыльями, заключенный в круг из морозных ветвей. Символ брака? Союза? Власти? Не знаю. Но вид у него был такой, будто этот союз давно треснул, а герб просто еще не успели снять.

За дверями слышались голоса.

Мужские. Спокойные. Уверенные. Те самые голоса людей, которые годами делят чужую власть по кускам и делают это так ловко, что владелец трона замечает потери слишком поздно.

— Откройте, — сказала я.

Один из стражей замешкался на долю секунды.

Этого хватило.

Я перевела на него взгляд.

Он побледнел и тут же распахнул двери.

Голоса оборвались.

Малый зал оказался вовсе не малым. Просто по меркам этого дворца он был меньше остальных чудовищно огромных помещений. Круглый, со сводчатым потолком, расписанным зимним небом, с длинным столом из темного камня, вокруг которого стояли кресла с высокими спинками. В центре стола, прямо на полированном камне, текла тонкая линия инея — не украшение, а будто живая трещина холода.

За столом сидели люди.

Лорды. Советники. Пожилые мужчины с суровыми лицами, один сухой старик с глазами ястреба, двое в темных мантиях магов, женщина лет пятидесяти с тяжелыми рубинами

на пальцах. И еще несколько незнакомцев в дорожной одежде, судя по всему, те самые представители горных родов.

Но увидела я не их.

Сначала — его.

Он сидел во главе стола, чуть вполоборота, опираясь пальцами на подлокотник. Черные волосы, резко очерченные скулы, холодный профиль, слишком красивый для человека и слишком жесткий для сказочного принца. На нем был темный китель, почти черный, с серебряной вышивкой по вороту. Ни короны, ни мантии, ни показной роскоши. И от этого он казался еще опаснее. Как оружие, которое не нужно украшать.

Король драконов.

Мой муж.

Или, если точнее, муж женщины, в теле которой я стояла.

Он поднял глаза.

И в зале стало еще тише.

Не знаю, что я ожидала увидеть в его взгляде. Раздражение? Презрение? Равнодушие?

Там было все сразу — и еще что-то четвертое, куда более неприятное.

Настороженность.

Он смотрел так, будто перед ним вошел не человек, которого он давно списал, а загадка, способная внезапно обернуться угрозой.

Рядом с ним, чуть левее, сидела она.

Леди Эйлера.

Я узнала ее сразу, хотя прежде видела только обрывком памяти. Красота у нее была другая, не моя — теплая, живая, опасная. Медные волосы, мягкие губы, светлая кожа, глаза цвета старого меда. Она была одета не кричаще, но дорого и слишком свободно для женщины, не имеющей права сидеть так близко к королю. Ее пальцы лежали на столе с непозволительной уверенностью, а поза говорила о многом: эта женщина уже привыкла к чужому месту.

И к чужому мужчине.

В ее взгляде не было растерянности. Только легкое удивление — и тень недовольства, как у человека, которому обещали тихую победу, а вместо этого на пороге появился недобитый противник.

Очень мило.

— Ваше величество, — произнес кто-то из советников, слишком громко нарушая тишину. — Мы не ожидали...

— Очевидно, — ответила я.

И, не спрашивая позволения, вошла в зал.

Первые шаги дались тяжелее, чем я хотела показать. Слабость никуда не исчезла, а десяток взглядов одновременно — плохая опора для человека, который только проснулся в чужом теле. Но спина у меня была прямой, подбородок поднят достаточно высоко, чтобы ни у кого не возникло сомнений: я не упала, я пришла.

Возле стола стояло кресло.

Чуть в стороне от места короля. Красивое, высокое, украшенное ледяной резьбой. И — что было особенно красноре-

чиво — явно не использовавшееся сегодня. На сиденье не было даже следа тепла, а рядом никто не положил бумаг, свитков, ничего. Мое место убрали из разговора еще до начала совета.

Я подошла к нему, провела пальцами по холодной спинке — и только потом посмотрела на мужа.

— Продолжайте, — сказала я. — Я не люблю мешать чужой уверенности в том, что меня здесь нет.

Кто-то кашлянул. Кто-то опустил глаза. Эйлера чуть заметно поджала губы.

А дракон не отвел взгляда.

— Тебе следовало остаться в покоях, — произнес он.

Низкий голос. Спокойный. Очень сдержанный. И в этом спокойствии ощущалась сила, к которой, должно быть, легко привыкают и трудно сопротивляются.

Я села.

— А тебе следовало предупредить, что на моем месте за столом теперь сидят посторонние.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Но ледяная линия, тянувшаяся по центру стола, внезапно побелела сильнее.

Интересно.

Магия реагирует на эмоции? Его, мои, обоих?

— Леди Эйлера не посторонняя, — сказал один из советников прежде, чем дракон ответил. — Она приглашена королем.

Я повернула голову.

Говоривший был сухим стариком с перстнем в виде черной печати. Его тон был безукоризненно вежлив, но вежливость эта пахла желанием поставить меня на место.

— Как ваше имя? — спросила я.

Он явно не ожидал вопроса.

— Лорд Хедрин, хранитель печатей.

— Благодарю, лорд Хедрин. — Я выдержала короткую паузу. — Тогда вы, как человек, отвечающий за законы и печати, должны отлично знать разницу между «приглашенной» и «хозяйкой дома». Не заставляйте меня думать, что при дворе севера эту разницу уже перестали понимать.

В зале повисла тишина погуще прежней.

Эйлера первой позволила себе улыбку. Очень маленькую. Очень нехорошую.

— Ваше величество, — произнесла она мягко, и голос у нее оказался красивый, бархатный, как у женщины, привыкшей добиваться своего не криком, а интонацией, — я никогда не претендовала на то, что принадлежит вам.

Ложь тоже может быть красивой.

Я повернулась к ней полностью.

— Тогда вам повезло, леди Эйлера. Потому что сегодня я в настроении верить в чудеса.

Ее улыбка стала тоньше.

За столом кто-то явно наслаждался происходящим. Кто-

то, наоборот, мечтал исчезнуть. Морвейн у дверей стояла неподвижно, как ледяная статуя, но я чувствовала: слушает каждое слово.

Дракон поднялся.

Вот тогда я поняла, почему люди при нем, наверное, чаще выбирают уступать.

Сидя, он казался опасным.

Стоя — подавляющим.

Высокий, широкоплечий, с той редкой манерой двигаться, которая бывает у хищников и у очень уверенных в себе людей. В нем не было ни одного лишнего жеста. Даже когда он просто обошел край стола, в зале будто изменился сам воздух.

— На сегодня достаточно, — сказал он совету.

Несколько человек вскинули головы.

— Ваше величество, вопрос о поставках с южных перевалов...

— Завтра.

Никакого повышения голоса. Никакой ярости. Но спорить с ним никто не стал.

Советники начали подниматься. Медленно, неохотно, цепляя друг друга взглядами и явно жалея, что лучшие минуты этого утра заканчиваются. Лорды из горных владений поклонились сдержанно. Старик Хедрин — сухо. Женщина с рубинами на пальцах задержала на мне тяжелый, оценивающий взгляд, словно мысленно переставляла фигуры на доске.

Эйлера поднялась тоже.

Вот только не ушла.

Она подошла к королю на расстояние, которое для посторонней женщины было слишком личным, и сказала мягко:

— Я распоряжусь, чтобы вам подали лекарство, ваше величество.

Не мне.

Ему.

Как будто право заботиться о нем уже принадлежало ей.

Умно. Очень умно. Такие вещи больнее прямых выпадов. Они не скандальны, не запретны, их нельзя уличить как преступление. Но каждая из них понемногу стирает законную жену из пространства рядом с мужчиной.

Я молчала.

Не потому, что не нашлась с ответом. А потому, что впервые увидела, как именно здесь побеждают: не ударом, а тысячей маленьких привычек. Жестами. Интонациями. Тем, кому подают бокал, кому поправляют плащ, кому улыбаются первым.

Король чуть повернул голову к Эйлеру.

— Позже.

Одно слово.

И она отступила.

Но отступила красиво. С поклоном, с мягкой улыбкой, не проиграв ни грамма достоинства. Еще опаснее.

Когда за последним советником закрылась дверь, в зале остались только мы втроем: я, он и Эйлера.

Плюс Морвейн у входа.

Эйлера это тоже поняла. Ее взгляд скользнул ко мне, затем к королю.

— Мне уйти? — спросила она тихо.

Надо отдать должное: голос у нее дрогнул ровно настолько, чтобы любой мужчина услышал в нем деликатность, а любая женщина — расчет.

Я уже почти открыла рот, когда дракон сказал:

— Да.

На этот раз Эйлера замешкалась по-настоящему.

Миг — крошечный, почти незаметный, — но он был.

Она поклонилась мне. Потом ему. И вышла из зала, не оборачиваясь.

Двери закрылись.

Мы остались вдвоем. Если не считать Морвейн, которая тут же стала чем-то вроде мебели.

Я сидела, положив руки на подлокотники, чтобы никто не увидел, как пальцы дрожат от напряжения. Он стоял напротив, и между нами был стол — длинный, холодный, будто специально придуманный, чтобы даже законным супругам не приходилось приближаться друг к другу.

Некоторое время он молчал.

Потом спросил:

— Кто ты?

Если бы он ударил, эффект был бы слабее.

Я медленно подняла взгляд.

— Интересный вопрос для человека, который прожил со мной под одной крышей не первый год.

— Не играй со мной.

— Ты уже сделал это первым.

Он прищурился. В темных глазах мелькнуло что-то очень нехорошее.

— Вчера ты едва держалась на ногах. Сегодняходишь в совет и говоришь так, будто никогда не боялась ни меня, ни этого двора. Ты двигаешься иначе. Смотришь иначе. Даже голос изменился.

— Может быть, ты просто впервые решил меня рассмотреть.

Слова сорвались прежде, чем я успела их удержать. Но я не пожалела.

Потому что они попали.

Не в ярость. Не в гордость.

Куда-то глубже.

На секунду выражение его лица изменилось — и это было хуже любой злости. Там мелькнуло что-то усталое. Очень старое. Будто он действительно знал, что не смотрел. Что позволил этой женщине исчезнуть у себя на глазах и слишком долго называл это необходимостью.

Но миг прошел.

— Ты была другой, — сказал он.

— А ты, как я понимаю, этим очень удобно пользовался.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Тогда объясни.

Он усмехнулся. Без веселья.

— И ты хочешь услышать объяснения именно сейчас? После того, как сорвала совет?

— Нет, — ответила я. — Я хочу услышать правду. Но ты, судя по всему, давно отвык ее произносить.

Тишина.

Ледяная линия на столе снова побелела.

Он подошел ближе. Не вплотную — всего на пару шагов. Но этого хватило, чтобы я ощутила его присутствие почти физически. От него несло не духами, не вином, не теплом.

Чем-то другим. Дымом после костра. Металлом. И еще — очень глубоко — жаром, который он будто держал запертым под кожей.

Дракон.

Это слово внезапно перестало быть красивой метафорой.

— Ты рискуешь, — тихо сказал он. — Слишком быстро.

— Чем именно? Тем, что перестала падать в обморок по расписанию?

В его глазах сверкнуло раздражение.

— Тем, что не понимаешь, в каком положении находишься.

— О, нет. Напротив. Я как раз начинаю понимать. — Я встала. Медленно, чтобы слабость не выдала меня. — Я нахожусь в положении жены, которую уже вычеркнули из своей жизни, но забыли поставить в известность. Это, знаешь ли, редкая ясность.

Я думала, он ответит чем-то ледяным, жестким, королевским.

Но он вдруг спросил:

— Что ты помнишь?

Вопрос был задан слишком быстро. Почти резко.

И вот тут я насторожилась уже по-настоящему.

Потому что это был не вопрос мужа, заданного поведением жены.

Это был вопрос человека, который боится определенного ответа.

— Достаточно, — сказала я.

— Что именно?

— Что ты привел ее во дворец.

Что все вокруг уже привыкли смотреть на меня как на пустое место.

Что последние месяцы, а может и годы, никто не считал нужным хотя бы сделать вид, что я все еще королева.

— Этого недостаточно.

— Для чего?

Он отвел взгляд. На долю секунды. Потом снова посмотрел на меня — и лицо его стало непроницаемым.

— Ты действительно ничего не помнишь.

Не вопрос. Вывод.

А потом он сделал то, чего я не ожидала.

Поднял руку.

Я инстинктивно напряглась, едва не отшатнулась. Он заметил это. Взгляд его стал жестче, но руку не опустил, только коснулся двумя пальцами воздуха возле моей виски, не дотрагиваясь до кожи.

И корона отозвалась.

Вспышкой.

Белый свет. Лед. Крик. Женщина на коленях в темном зале. Кто-то шепчет: *молчите, ваше величество, ради севера*. Черные глаза напротив. Чьи — его? Не его? Кровь на снегу. Детский плач, резко оборванный пустотой. Чужая ладонь на

моем сердце. Печать. Боль.

Я ахнула и отшатнулась уже по-настоящему.

Ледяной воздух в зале дрогнул. По каменному полу от моих ног побежала тонкая сеть инея.

Он мгновенно опустил руку.

— Достаточно, — сказал уже совсем другим голосом. Резким.

Я вцепилась в край стола.

Перед глазами все плыло.

— Что... это... было?

Он молчал.

— Что ты сделал?

— Ничего, чего уже не делала корона.

— Не ври мне.

Последнее прозвучало хрипло и слабее, чем хотелось. Но он все равно услышал.

Молчание между нами стало опасным. Живым. Полным чего-то недосказанного настолько большого, что оно почти осязаемо стояло в воздухе.

Потом он произнес:

— Тебе нельзя сейчас вспоминать все сразу.

— Какая забота.

— Это не забота. Это необходимость.

— Для меня? Или для тебя?

Он сжал челюсть. И вот сейчас, впервые за весь разговор, я увидела на его лице не только контроль, но и настоящую усталую ярость.

— Для севера, — сказал он.

Как удобно.

Всегда есть что-то великое, ради чего можно сломать кон-

кретную женщину.

Я выпрямилась, хотя под ребрами все еще ныло.

— Тогда у меня плохие новости, мой король. Я не север. И уж точно не его удобство.

Он посмотрел на меня долго. Очень долго. Так, будто пытался найти в моем лице прежнюю женщину и не находил. И, кажется, это злило его больше всего.

— Ты изменилась, — тихо сказал он.

— Нет. — Я встретила его взгляд. — Просто та, которую ты привык не замечать, закончилась.

И вот тогда что-то изменилось окончательно.

Не в нем — между нами.

Будто натянулась новая струна. Тонкая, опасная. Не любовь, не ненависть, не память о браке. Что-то другое. Внимание. Настоящее, наконец-то живое внимание двух людей, которые больше не могут делать вид, что один для другого — мебель.

Он первым отвел взгляд.

— Морвейн, — произнес он, не поворачиваясь.

— Ваше величество, — отозвалась та мгновенно.

— Королева останется под наблюдением. Усилить охрану ее покоев. И никого не впускать без моего дозволения.

Я коротко рассмеялась.

— Какая трогательная формулировка. Это забота или домашний арест?

Он повернул голову.

— Это безопасность.

— Чья?

Но он уже не ответил.

Просто пошел к двери, и в этом движении не было бегства — только слишком явное желание закончить разговор до того, как он скажет лишнее.

У самых дверей он остановился.

Не оборачиваясь, произнес:

— Не пытайся одна входить в северную башню.

У меня внутри все будто замерло.

Башня.

Значит, я была права. Она важна.

— Почему? — спросила я.

Он медлил ровно секунду.

— Потому что в прошлый раз это едва не убило тебя.

И ушел.

Двери за ним закрылись.

Я осталась стоять в центре зала, чувствуя, как под ногами медленно тает иней, который сама же и выпустила в камень. Морвейн не двигалась. Но я знала: она слышала все. Или почти все.

Хорошо.

Пусть слышит.

Пусть весь этот проклятый дворец начинает привыкать к одной простой мысли: снежная королева больше не собирается тихо умирать в своих покоях.

Я медленно повернулась к окну. Из него открывался вид на внутренний двор, заваленный снегом, и на западное крыло — то самое, куда поселили Эйлеру. Высокие окна, серебряные мостики, узкие балконы. Красивое место для чужой победы.

Пока.

— Леди Морвейн, — сказала я, не оборачиваясь.

— Да, ваше величество.

— У меня будет три распоряжения.

Она подошла ближе. Осторожно. Как подходят к тонкому льду, который еще не решил, выдержит или треснет.

— Я слушаю.

— Первое: с этого дня все списки расходов по западному крылу будут приносить мне.

Морвейн чуть приподняла брови.

— Как прикажете.

— Второе: мне нужны все записи о моем здоровье за последний год. Лекари, назначения, приступы, все.

— Да, ваше величество.

— И третье. — Я наконец обернулась. — Найдите мне старую карту дворца. Полную. Со всеми башнями, переходами и закрытыми галереями.

Вот теперь она посмотрела внимательнее.

— Вы хотите нарушить прямой приказ короля?

— Я хочу понимать, где именно нахожусь. Или это тоже запрещено?

Морвейн склонила голову.

— Нет, ваше величество.

— Прекрасно. Тогда начнем с этого.

Я пошла к выходу. Уже не так быстро, как вначале — слишком многое случилось за одно утро. И тело снова напоминало о своей слабости: под коленями дрожало, в груди нарастала глухая тяжесть. Но внутри было неожиданно ясно.

Этот дворец полон лжи.

Мой брак — тоже.

Король чего-то боится.

Эйлера играет тоньше, чем кажется.

А башня севера, в которую мне якобы нельзя, почти наверняка хранит первую настоящую правду.

Отлично.

Значит, туда я и пойду.

Не сегодня. Не в этом платье, не после приступа, не на глазах у половины двора. Я не настолько глупа.

Но скоро.

Очень скоро.

Когда мы вышли в галерею, за окнами снова поднялся ветер. Снежная пыль закружилась между башнями, и на мгновение мне почудилось, что сам дворец смотрит на меня. Ждет. Прислушивается.

Будто камень, лед и пустые переходы тоже устали от прежней тишины.

Я коснулась пальцами холодного стекла.

И мне снова привиделось — не глазами, а где-то глубже — женское лицо, такое же, как мое, только гораздо спокойнее. Не мертвое. Не враждебное. Скорее усталое.

Не дай им закончить начатое.

Шепот исчез раньше, чем я успела понять, звучал ли он вообще.

Но я все равно ответила — мысленно, едва заметно:

«Не дам».

Потому что теперь это было уже не просто чужое тело.

И не просто чужая жизнь.

Это была история женщины, которую предали слишком аккуратно, слишком удобно, слишком давно. И все вокруг уже решили, что финал у нее будет тихим.

Им стоило бы знать:

самые громкие зимы начинаются именно с такой тишины.

Глава 3. Другая женщина в его крыле

К своим покоям я вернулась только затем, чтобы ненадолго остаться одна.

После малого зала дворец уже не казался просто красивой ледяной ловушкой. Теперь он напоминал улей, в который кто-то бросил камень. По пути обратно я чувствовала это кожей. Слуги опускали глаза слишком поспешно. Придворные кланялись слишком усердно или, наоборот, с подчеркнутой сухостью. За поворотами коридоров вспыхивали шепотки и тут же гасли, стоило мне приблизиться.

Королева вышла из комнаты.

Королева пришла на совет.

Королева заговорила.

Королева не умерла, как от нее ждали.

Прекрасные новости для меня. Отвратительные — для всех, кто уже мысленно делил мое отсутствие.

Когда за мной закрылись двери покоев, я наконец позволила себе выдохнуть.

Слабость накрыла сразу. Та самая — подлая, вязкая, телесная. Я дошла до ближайшего кресла и села, не слишком изящно, зато честно. Сердце билось глухо и тяжело. Ладони были ледяными, хотя в комнате стало теплее, чем утром. в высоких серебряных чашах по углам мерцало синее пламя. Не жаркое, но живое. Магический огонь? Скорее всего. Обычный тут бы давно сдался местному климату.

Я прикрыла глаза.

Лицо дракона все еще стояло передо мной слишком отчетливо. Не потому, что он был красив — хотя, к сожалению, с этим не поспоришь. И не потому, что опасен — с опасными людьми я, слава богу, умела иметь дело еще в прошлой жизни, пусть и не в таких декорациях.

Нет.

Меня зацепило другое.

Его вопрос.

Кто ты?

Он не спросил: что с тобой, почему ты так себя ведешь,

не сошла ли ты с ума окончательно.

Он спросил именно это.

И потом — его страх.

Не мой, не дворцовый, не абстрактный.

Личный.

Мгновенный.

Когда он понял, что я чего-то не помню.

Значит, прошлое этой женщины не просто неприятное. Оно опасное. И настолько, что даже король предпочел бы, чтобы его жена оставалась удобной, слабой и покорной.

Что ж. Тем хуже для него.

В дверь постучали.

На этот раз — именно постучали.

Я открыла глаза.

— Войдите.

Морвейн появилась бесшумно, словно ей и стены были не преграда. В руках она держала тонкую папку из белой кожи.

— Записи лекарей, ваше величество, — сказала она, подходя ближе. — За последний год. Остальное потребует времени.

Я протянула руку.

— А карта дворца?

— Ее ищут.

Вот как. Не «приносят», а «ищут». Значит, либо карты действительно убраны подальше, либо мне уже начали тихо мешать.

— Хорошо. Оставьте.

Морвейн положила папку на столик рядом с креслом, но не отошла.

— Что-то еще? — спросила я.

— Ваше величество, — она выдержала паузу, — если позволите совет.

Не люблю советы от людей, которые слишком хорошо умеют прятать свое отношение. Но сейчас отказываться бы-

ло бы глупо.

— Говорите.

— Вам не стоит сегодня идти в западное крыло.

Я даже не удивилась. Только слегка улыбнулась.

— С чего вы решили, что я собираюсь именно туда?

— Потому что вы не из тех женщин, кто, увидев пожар, станет ждать, пока огонь сам дойдет до порога, — сказала она ровно.

Неплохо. Или это комплимент, или очень осторожное предупреждение.

— И что же меня там ждет, кроме очевидного?

— Леди Эйлера.

— Спасибо, я уже догадалась.

— Сегодня утром вы застали ее врасплох. Второй раз она не позволит себе такой роскоши.

Я провела пальцем по краю папки.

— Вы считаете ее опасной?

— Я считаю опасными всех, кому удалось так быстро стать незаменимыми рядом с королем.

Честно. Наконец-то хоть что-то честно.

— А вы, леди Морвейн? — спросила я тихо. — Вы на чьей стороне?

Ее лицо не изменилось.

— На стороне дворца, ваше величество.

Очень красивый ответ для человека, который не хочет говорить правду.

— Значит, ни на чьей, — кивнула я. — Можете идти.

Она поклонилась и уже у двери добавила:

— В западном крыле слишком мало людей, которым можно доверять.

— Во всем дворце их, подозреваю, не больше.

На это Морвейн не ответила.

Когда я осталась одна, первым делом раскрыла записи лекарей.

И почти сразу поняла, почему дракон так легко приучил себя не смотреть на свою жену.

Если читать эти бумаги сухо и без сочувствия, снежная королева давно превратилась в проблему, а не в человека.

Слабость.

Приступы истощения.

Нестабильность магического ядра.

Нарушения сна.

Холодовая аритмия.

Потери сознания.

Периодические провалы памяти.

Рекомендован покой. Исключить эмоциональные потрясения. Ограничить участие в управлении.

Ограничить участие в управлении.

Вот и вся формула.

Берем женщину, которую и без того постепенно выдавливают из брака. Добавляем боль, истощение, пару десятков обмороков, шепот о нестабильной магии — и получаем идеальную картину. Хрупкая, больная, не справляется, не годится для трона, не выдерживает совета, не должна вмешиваться.

Очень удобно.

Слишком удобно.

Я листала дальше.

Почерк у разных лекарей менялся, но выводы — почти нет. Все говорили о последствиях. Никто — о причине. Будто болезнь росла сама по себе, как снег на крыше.

Ложь.

Я чувствовала это не разумом даже — позвоночником. Слишком уж аккуратно все было оформлено. Слишком уверенно.

А потом среди ровных записей мне попала короткая строка другим почерком, угловатым, нервным:

Рекомендую проверить воздействие печати на сердечный контур. Симптомы неестественны.

Ни подписи, ни продолжения.

Я перечитала еще раз.

Воздействие печати.

Той самой, о которой говорил план... нет, не план, а слова Морвейн и обрывки памяти. Печать на сердце. Древняя магия. Что-то, что не давало этой женщине быть нормальной даже до моего появления.

Я закрыла папку.

Все. Достаточно.

Сидеть и ждать, пока мне соизволят принести карту, не хотелось. Тем более что именно сегодня я увидела главное: двор привык думать, что меня можно держать в стороне. А значит, любое мое движение будет неожиданностью.

Самое время двигаться.

Я встала.

Ноги еще были ватными, но уже не так предательски дрожали. Подошла к зеркалу, быстро оценила отражение и недовольно скривилась. Полное королевское облачение для прогулки в западное крыло не годилось. Слишком торжественно. Слишком заметно. Слишком похоже на официальную демонстрацию.

Мне нужно было другое.

Не слабость.

Не пышность.

Не парад.

Я дернула за шнур у стены. Через минуту в комнату вошла одна из молодых служанок — та самая, что утром боялась даже дышать рядом со мной.

— Ваше имя? — спросила я.

Она вздрогнула.

— Илина, ваше величество.

— Илина, мне нужно другое платье. Без шлейфа, без лишних украшений. Теплое. И плащ.

Она моргнула, явно не понимая, зачем королеве вдруг понадобилось что-то удобное.

— Да, ваше величество.

— И еще. Никому не говорить, куда я иду.

Девушка побледнела.

— Но... если спросят...

— Ты не знаешь.

— Да, ваше величество.

Через четверть часа я уже была одета иначе. Все еще дорого, все еще по-королевски, но куда проще: узкое платье цвета зимнего неба, тяжелый пояс из серебристых звеньев, теплый плащ с меховым воротником. Корону я оставила — к сожалению, снять ее без боли все равно не удавалось, а идти без нее означало бы дать лишний повод для сплетен. Зато волосы собрали частично, чтобы не путались и не делали из меня хрупкую фарфоровую статую.

В таком виде я стала себе нравиться больше.

Не жертва.
Не кукла.
Не ледяной экспонат.

Женщина, которая идет туда, куда ей давно запретили
входить.

Я вышла без свиты.

Илина побелела так, будто собиралась упасть в обморок
вместо меня, но промолчала. Морвейн, к счастью, поблизо-
сти не оказалось. Или, наоборот, оказалось слишком много
ее невидимого участия, чтобы меня остановить. Неважно.

Главное — я шла одна.

Западное крыло оказалось другой частью того же мира.

Если восток, где располагались мои покои, был строгим,
почти монашески-холодным, то здесь дворец менялся. Оста-
вался снежным, величественным, ледяным — но в деталях
проступала чужая рука. Больше мягкого света. Больше жи-
вых цветов в высоких вазах — белых, зимних, но все же цве-
тов. На подоконниках стояли чаши с ароматическими смо-
лами, и воздух был чуть теплее, чуть гуще, пах не только мо-

розов, но и пряной сладостью.

Будто кто-то очень старательно пытался отогреть место, которому сама архитектура велела быть холодным.

Ее запах.

Ее вкус.

Ее след.

Прекрасно.

По дороге мне встретились двое слуг. Один уронил поднос. Вторая девушка едва не присела до пола, кланяясь так быстро, что чуть не зацепила юбкой лестничную балясину.

— Где леди Эйлера? — спросила я у них.

Они переглянулись.

— В зимней гостиной, ваше величество, — прошептала девушка.

Я кивнула и пошла дальше, слыша за спиной нервное шуршание и шепот.

Зимняя гостиная нашлась в конце длинной галереи, где

вместо одной стены были сплошные арочные окна с видом на снежные сады и дальние башни. Двери туда стояли распахнутыми.

Я остановилась на пороге.

И сразу поняла, почему Морвейн предупреждала.

Эйлера не просто оправилась от утреннего замешательства.

Она подготовилась.

Комната выглядела так, словно никогда и не принадлежала чужому дому. Мягкие кресла, синие огни в камине, белые меха, хрустальные чаши с фруктами, которых я в этом климате вообще не ожидала увидеть, два открытых альбома с акварелями на столике, музыкальная шкатулка, тихо выводящая мелодию, слишком теплую для ледяного дворца. И в центре всего — сама Эйлера.

Она сидела у окна, листая книгу. Не в вызывающем алом, как во вчерашнем воспоминании, а в мягком кремово-сером платье, которое делало ее почти невинной. Почти.

Она подняла глаза еще до того, как я переступила порог.

И не встала.

Вот это уже было красиво.

Не грубость.

Не скандал.

А крошечное, безупречно рассчитанное нарушение.

Ровно такое, чтобы запомнилось.

— Ваше величество, — сказала она спокойно. — Не ожидала видеть вас здесь.

— Зато я как раз ожидала увидеть вас именно здесь.

Только теперь она закрыла книгу и поднялась. Медленно. Слишком медленно.

— Если бы я знала о вашем визите, приказала бы приготовить чай.

— Не утруждайтесь. Я пришла не пить.

Я вошла в гостиную и осмотрелась без спешки, давая ей понять: вижу все. Каждый плед. Каждый светильник. Каждую мелочь, которой она уже начала вращать в это крыло.

Эйлера проследила за моим взглядом и чуть заметно

улыбнулась.

— Вам не нравится, как я устроилась?

— Меня больше интересует, кто дал вам право устраиваться.

Она подошла к камину и остановилась у синего огня, положив ладонь на мраморную полку. Очень правильная поза. Спина прямая, лицо мягкое, голос спокойный. Так разговаривают женщины, которые никогда не позволяют себе выглядеть виноватыми.

— Ваш супруг, — сказала она. — Но, думаю, вы и без меня это знаете.

Слова были простыми. Но за ними стояло намерение.

Не «король».

Не «его величество».

А «ваш супруг».

Удар на личном поле.

Я медленно сняла перчатку с правой руки и положила ее на столик рядом. Дала себе секунду не для эффектности — чтобы не ответить слишком резко. Здесь нельзя было идти

напролом. Эйлера жила такими разговорами. Она ждала либо скандала, либо боли. Обоим я решила не давать удовольствия.

— Странно, — сказала я. — Обычно женщины, которых приглашают в чужой дом, стараются хотя бы первое время помнить, что они в гостях.

В ее глазах мелькнул огонек.

— А если хозяин дома сам просит чувствовать себя свободно?

— Тогда умная женщина все равно не забывает, что в доме есть хозяйка.

Эйлера чуть склонила голову.

— Вы сейчас о титуле или о браке?

Очень тонко. Очень ядовито.

— Я сейчас о границах, — ответила я. — Но если вам удобнее говорить намеками, могу и на вашем языке.

На секунду между нами повисла тишина.

Снег за окнами шел густо, медленно, как в театральной декорации. Синее пламя в камине мерцало так ровно, будто у этого мира вообще не существовало ветров, интриг и боли.

Эйлера первой нарушила молчание:

— Вам не стоит тратить силы на меня, ваше величество.

— Правда?

— Правда. Я не причина ваших несчастий.

Вот здесь я почти рассмеялась.

Не потому, что она сказала глупость. Наоборот. Потому что в ее голосе впервые послышалась крошечная доля правды.

Да, она не первопричина.

Она следствие.

Именно поэтому так опасна.

— А вы любите говорить о себе как о погоде, — заметила я. — Словно просто случились и ни за что не отвечаете.

Ее губы тронула тень улыбки.

— А вы любите видеть врага там, где вам больше всего.

— Не беспокойтесь. Врагов я вижу прекрасно. Вопрос только в том, кого из них стоит убрать первым.

Пламя в камине качнулось.

Едва заметно.

Но я увидела.

И она тоже.

Интересно.

Значит, моя магия реагирует не только на дракона. На Эйлеру тоже.

Она подошла ближе. Не настолько, чтобы нарушить приличия, но достаточно, чтобы я уловила тонкий запах ее духов — что-то теплое, смолистое, опасно уютное.

— Вы изменились, — сказала она почти шепотом.

— Эта фраза сегодня очень популярна.

— Потому что это правда. — Ее взгляд скользнул по моему лицу, задержался на короне, на губах, снова поднялся к глазам. — Раньше вы приходили ко мне иначе.

Я не дрогнула.

Хотя внутри что-то натянулось струной.

— Раньше? — переспросила я.

Вот тут она поняла, что сказала лишнее.

Совсем чуть-чуть. Но поняла.

По тому, как замерли ее ресницы.

По тому, как на секунду застыл рот.

— Вы были мягче, — произнесла она уже другим тоном.
— Тише.

— Удобнее?

— Раньше.

— Для вас?

— Для всех.

Я подошла к окну, встала вполоборота к ней. Не потому, что хотела прервать разговор. Наоборот. Иногда легче вытянуть правду, если не смотреть человеку прямо в лицо.

— Скажите, леди Эйлера, — произнесла я, рассматривая снег в саду, — что такого видят мужчины в женщине, которая с такой готовностью занимает чужое место?

Она не ответила сразу.

Когда заговорила, голос ее был неожиданно ровным. Без сладости.

— Мужчины видят то, что им показывают. А место... — она сделала паузу. — Пустое место не бывает чужим слишком долго.

Вот оно.

Не любовь.

Не страсть.

Не романтическая чепуха.

Холодная логика завоевателя.

Я повернулась к ней.

— Значит, вы считаете мое место пустым?

— Я считаю, что его давно никто не защищал.

И снова — почти правда.

Почти.

Потому что прежняя королева, возможно, и правда перестала защищать свое место. Но это не дает права другим его занимать.

Хотя с точки зрения Эйлеры, вероятно, именно дает.

Я сделала шаг к ней.

— Тогда вам следовало бы знать одну вещь. Даже если дом долго стоит без света, это еще не значит, что хозяин умер.

Эйлера выдержала мой взгляд.

— А если он сам давно ушел?

— Тогда тем хуже для тех, кто решил праздновать раньше времени.

На этот раз она улыбнулась по-настоящему. Без мягкости.

Без попытки выглядеть невинной.

Красивая женщина.

Очень умная.

Очень чужая.

И совершенно не собирающаяся отступить.

— Вы пришли предупредить меня? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем?

Я перевела взгляд на столик у окна.

Там, среди безобидных вещей — книги, чашки, альбомов,
— лежал тонкий серебряный нож для бумаги.

Ничего особенного.

Кроме герба на рукояти.

Ледяная лилия.

Мой герб.

Герб снежной королевы.

Я взяла нож в руки.

Покрутила.

Лезвие сверкнуло в синем свете.

— Затем, — сказала я тихо, — что мне не нравится, когда моими вещами пользуются без спроса.

Эйлера помолчала.

— Это подарок.

— От кого?

Она выдержала паузу чуть дольше, чем следовало.

— От короля.

Ложь.

Я не знала почему, но почувствовала ее мгновенно. Не интуицией даже — будто сам лед в рукояти стал холоднее, откликаясь.

— Нет, — сказала я.

Ее взгляд стал жестче.

— Простите?

— Это не его подарок.

— Вы уверены?

Я подняла нож чуть выше. В основании рукояти, почти незаметно, на внутренней стороне серебра, был выгравирован символ. Не просто лилия. Переплетение снежной ветви и тонкой луны.

Слишком личное.

Не парадный герб.

Что-то семейное. Женское. Старое.

— Такие вещи мужчины не дарят любовницам, — сказала я спокойно. — Они слишком плохо понимают, что значат подобные знаки.

Теперь она уже не улыбалась.

Интересно.

Значит, нож попал к ней не от дракона.

Или не напрямую.

А значит, у нее есть кто-то еще.

Кто-то внутри этого дворца.

Кто-то, имеющий доступ к вещам королевы.

Я положила нож обратно.

— Мелкая небрежность, — добавила я. — В следующий раз проверяйте лучше.

Эйлера подошла совсем близко.

На расстояние, где еще можно говорить вежливо, но уже нельзя делать вид, что это обычная беседа.

— Вы правда не помните, да? — тихо спросила она.

Мир словно слегка качнулся.

Так.

Вот теперь интересно стало по-настоящему.

Но лицо я удержала спокойным.

— Должна помнить что-то конкретное?

Она смотрела в упор.

Долго.

Слишком пристально для женщины, которая якобы только защищает свое место при мужчине.

— Ничего, — ответила она наконец.
— Тогда не задавайте странных вопросов.
— Странные вопросы сейчас задаете не я.

Я улыбнулась.
Очень слабо.

И, кажется, именно это разозлило ее сильнее всего.

Потому что она привыкла быть той, кто мягко улыбается в ответ на чужую слабость.

А слабости сегодня не получила.

— Послушайте меня внимательно, леди Эйлера, — сказала я. — Я не стану устраивать сцен. Не стану рвать вам волосы в коридоре и унижать себя криками о любви. Но и ошибаться на мой счет не советую. Если вы здесь ради власти, я это пойму. Если ради игры — тоже. Если ради него... — я выдержала паузу, — тем более.

— Вы говорите так, будто он все еще ваш.

— Нет, — ответила я честно. — Я говорю так, будто вы еще не поняли, что в этой истории дело давно не только в нем.

На секунду ее лицо стало непроницаемым.

Потом она отступила на шаг и легко провела пальцами по краю кресла.

— Вы правы, — сказала она неожиданно. — Не только в нем.

Вот и признание.

Маленькое.

Но достаточное.

— Тогда давайте обойдемся без притворства, — сказала я. — Мне лень терпеть его в собственном доме.

— Собственном? — мягко уточнила она.

— Да. Собственном.

— Даже если он больше не приходит в ваши комнаты?

Удар был точным.

Очень точным.

Настолько, что внутри на миг вспыхнула ярость — не сценическая, настоящая. Та самая, от которой у людей дрожат руки, а у меня вдруг отозвалась магия.

Окно за моей спиной хрустнуло.

По стеклу побежал иней.

Быстро.

Густо.

Красиво.

Как узор смерти.

Эйлера замолчала.

Синее пламя в камине дернулось и вдруг стало белее.

Я сама не сразу поняла, что сделала. Воздух в комнате стал холоднее, резче. По полу тонкой змейкой пополз мороз.

Эйлера впервые за весь разговор по-настоящему насторожилась.

Не испугалась.

Но насторожилась.

Хорошо.

Я шагнула к ней.

— Запомните, — сказала я очень тихо. — Мужчина может не приходить к жене. Может отвернуться, ошибиться,

предать, даже разлюбить. Но это не делает любовницу хозяйской дома. Это делает мужчину слабым. А женщину рядом с ним — слишком самоуверенной.

Она сглотнула.
Совсем чуть-чуть.
Но я заметила.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Пока нет.

Тишина между нами натянулась до предела.

Потом в коридоре послышались шаги.

Тяжелые. Мужские. Быстрые.

Эйлера первой повернула голову к двери.
Я — почти одновременно.

И прежде чем кто-то вошел, я поняла: она не ожидала этого визита. А значит, и я — тоже.

В проеме появился дракон.

Он остановился так резко, будто налетел на невидимую стену. Взгляд метнулся от Эйлеры ко мне, к покрытому инеем окну, к белому пламени в камине, к тонкой полосе мороза, бегущей по полу.

Лицо его стало каменным.

— Что здесь происходит?

Ни одна из нас не ответила сразу.

Эйлера опомнилась первой.

— Ничего, что стоило бы вашего вмешательства, — сказала она мягко.

Я усмехнулась.

— Леди Эйлера скромничает. Мы как раз обсуждали границы.

В его глазах что-то вспыхнуло.

Раздражение? Опасение? Оба сразу.

Он вошел в комнату, и воздух изменился. Как меняется погода перед грозой — не внешне, а внутренне, давлением

на кожу.

— Оставь нас, Эйлера.

Она медленно повернулась к нему.

— Вы уверены?

— Да.

И вот тут я увидела то, что, возможно, не заметил бы никто другой.

Ей не понравилось, что он сказал это при мне.

Не сам приказ.

А интонация.

Слишком жесткая.

Слишком безоговорочная.

Значит, даже в своей близости к нему она не была все-
сильной.

Полезная деталь.

Эйлера поклонилась. Мне — ровно настолько, чтобы не
выглядеть униженной. Ему — чуть ниже.

И вышла из комнаты молча.

Когда дверь закрылась, я не двинулась с места.

Он посмотрел на меня.

Потом на окно.

Потом снова на меня.

— Ты с ума сошла? — спросил он тихо.

— Уже второй человек за день подозревает во мне перемены. Это начинает утомлять.

— Я запретил тебе ходить сюда одной.

— Нет. Ты запретил мне северную башню. Формулируй точнее.

Кажется, еще немного — и я начну получать удовольствие от того, как его бесит моя точность.

Он подошел ближе.

Слишком близко.

Я почувствовала знакомый запах дыма и металла еще до того, как он остановился.

— Ты выпустила магию в ее комнатах.

— В моем западном крыле.

— В ее покоях.

— Уже нет.

Это было сказано почти машинально.

Но попало куда надо.

Он прищурился.

— Что ты задумала?

— Почему все считают, что женщина обязательно что-то «задумала», если перестает молчать?

— Потому что ты не просто перестала молчать. Ты начала действовать так, будто...

Он осекся.

— Будто что?

Он не ответил.

И тогда я поняла: продолжение этой фразы ему самому не нравится.

Будто я вернулась.

Будто я что-то вспомнила.

Будто снова стала опасной.

Любой из вариантов ему не подходит.

Я обошла его и подошла к окну, коснувшись пальцами ледяного рисунка на стекле.

— У меня к тебе вопрос, — сказала я.

— Я слушаю.

— Кто дал Эйлеру вещь с моей родовой меткой?

Молчание.

Не длинное.

Но очень показательное.

Я обернулась.

— Так я и думала.

— Это не твое дело.

— Ошибаешься. Как раз мое.

— Нет, — сказал он резко. — Не сейчас.

— Какая удобная фраза. Ей можно прикрыть все что угодно: ложь, трусость, предательство...

— Осторожнее.

Я посмотрела на него в упор.

— Или что?

Он сделал еще шаг.

Теперь между нами почти не осталось расстояния.

Глупое положение.

Опасное.

Слишком личное.

В этом человеке было что-то, от чего тело реагировало раньше разума — не доверием, разумеется, а странной, злой настороженностью. Как если бы рядом стояло пламя, способное и согреть, и сжечь, а ты еще не решила, чего хочешь больше.

— Или ты снова доведешь себя до приступа, — сказал он тише. — И на этот раз мне может не хватить времени.

Вот так.

Не «я не хочу».

Не «тебе нельзя».

А «мне может не хватить времени».

Слова были почти заботой.

Почти.

И именно это раздражало сильнее прямой жесткости.

— Не пытайся делать вид, что тебя вдруг волнует мое здоровье, — сказала я.

— Вдруг? — переспросил он. И в этом коротком слове прозвучало что-то темное.

Я замерла.

Потому что на секунду — совсем короткую — мне показалось, что я слышу не ложь. А человека, который много раз приходил слишком поздно и сам себя за это ненавидел.

Нет.

Нет, это слишком удобно.

Слишком красиво.

Слишком рано, чтобы верить.

Я отступила на шаг.

— Тогда объясни, — сказала я. — Хоть раз. Без тумана. Без севера. Без приказов. Просто объясни, почему женщина с моими вещами живет в этом крыле и смотрит на меня так, будто уже выиграла.

Он молчал.

И этого молчания хватило.

Я кивнула.

— Вот именно.

Повернулась к двери и пошла прочь.

— Стой.

Я не остановилась.

Только у самого выхода он догнал меня, перехватил за запястье — не больно, но крепко.

И мир снова качнулся.

Не от страха.

Не от боли.

От чего-то другого.

Его рука была горячей.

Слишком горячей для этого ледяного мира.

Для моего холодного тела.

Для всего сегодняшнего дня.

Магия отозвалась мгновенно.

По коже от места его прикосновения разошлась дрожь — не неприятная, а почти электрическая. Воздух в комнате вспыхнул контрастом: от него — жар, от меня — лед. И на секунду между нашими ладонями, прямо в воздухе, мелькнула тонкая белая искра, похожая на снежную трещину в стекле.

Он тоже это почувствовал.

Я увидела по его глазам.

Увидела — и испугалась не самой искры, а того, что она была не случайностью.

Он медленно разжал пальцы.

Слишком медленно.

— Не ходи больше к ней одна, — сказал он.

Я посмотрела на свое запястье.

На коже уже проступал след от его пальцев — не синяк, пока только розоватая полоска.

И почему-то это разозлило меня окончательно.

— Тогда убери ее из моего дома.

Он молчал.

Я усмехнулась — горько, зло, почти устало.

— Ясно.

И вышла, не дожидаясь ответа.

Коридор встретил меня холодом и тишиной. Но теперь в этой тишине было уже не только дворцовое напряжение. В ней что-то сдвинулось. Будто одна невидимая линия фронта стала видимой всем.

Я прошла до первой арки, остановилась и только там позволила себе приложить ладонь к груди.

Сердце билось неровно.

Слишком быстро.

Слишком тяжело.

То ли от магии.

То ли от разговора.

То ли от прикосновения.

Черт.

Я закрыла глаза на секунду.

Перед внутренним взглядом вспыхнуло нечто странное: белая комната, детский смех, темная мужская фигура у окна, тонкий серебряный нож с лилией на рукояти, женский голос — мой и не мой одновременно:

Если он приведет ее сюда, значит, уже поздно.

Я резко открыла глаза.

Коридор был пуст.

Только снег кружил за окнами, и где-то далеко внизу глухо звякнул колокол.

Поздно?

Для чего?

Для брака?

Для любви?

Для спасения?

Или для того, чтобы отступить и остаться в живых?

Я опустила руку.

Нет.

Не поздно.

Пока я не знаю правды — вообще ничего не поздно.

А правда, похоже, расползлась по этому дворцу, как иней по стеклу: тонкими узорами, красивыми снаружи и смертельно холодными внутри.

Эйлера знает больше, чем должна.

Дракон знает больше, чем говорит.

Кто-то передает ей мои вещи.

И все они слишком напряженно следят за тем, что именно я помню.

Значит, искать надо не там, где красиво.

А там, где прячут.

В северной башне.

Я медленно вдохнула морозный воздух.

Да.

Не сегодня ночью, слишком глупо.

Но скоро.

И когда я туда пойду, это уже будет не прогулка женщины, ревнующей к любовнице.

Это будет первый настоящий шаг королевы, которую здесь слишком рано похоронили.

Я расправила плечи и пошла дальше по галерее.

За моей спиной, в западном крыле, остались другая женщина, запах ее духов и король, который так и не смог выбрать между молчанием и правдой.

А впереди меня ждали стены, снег, башни и ответы, которые, возможно, стоили целого трона.

И если раньше этот дворец видел во мне брошенную жену, то теперь ему пора привыкать к новой роли.

Я больше не собиралась бороться за сердце мужчины.

Я собиралась вернуть себе то, что они все решили считать пустым местом.

И начать стоило с самого простого:
найти, кто первый осмелился вынести мою жизнь из моих собственных рук.

Глава 4. Корона, что режет виски

К вечеру дворец стал тише.

Не по-настоящему, конечно. Такой огромный замок не умеет молчать. В нем всегда что-то жило: сквозняки в галереях, шаги стражи, далекий звон металла, потрескивание ледяных светильников, приглушенные голоса за стенами, словно сам камень хранил в себе память обо всех разговорах, когда-либо сказанных под этими сводами. Но после западного крыла эта тишина казалась другой — настороженной, выжидающей.

Как бывает после первой пощечины, когда никто еще не знает, будет ли следом драка или все снова сделают вид, что ничего не произошло.

Я вернулась в свои покои и впервые за весь день поняла, насколько устала.

Не умом — ум, наоборот, работал слишком остро, слишком цепко, собирая каждую деталь, каждую оговорку, каждый взгляд, как нити в узел. Устало тело. Чужое, измотанное, давно живущее на пределе. Ноги ныли. В груди тянуло тупой ледяной тяжестью. Пальцы иногда немели без причи-

ны. И корона...

Корона болела.

С утра я почти не обращала на это внимания — слишком многое навалилось разом. Но теперь, когда вокруг стало чуть спокойнее, я почувствовала ее по-настоящему. Не просто тяжесть металла. Не просто неудобный обруч на голове.

Она словно вращалась в черепе.

Острые зубцы касались кожи под волосами, и от каждого такого касания по вискам расходилась тонкая, изматывающая пульсация. Будто корона не сидела на голове, а медленно и терпеливо прощупывала меня изнутри.

Я подошла к зеркалу.

Снежная королева в отражении выглядела почти безупречно. Светлая кожа, прямой взгляд, волосы, в которых серебро украшений терялось, как снег в метели. И только если присмотреться внимательно, можно было заметить, что губы стали бледнее, а под глазами легли едва различимые тени.

Красиво.

Очень красиво.

Настолько красиво, что почти нечестно.

Я подняла руки к короне.

— Ну давай, — пробормотала я. — Хоть раз в жизни сделай что-то полезное.

Пальцы коснулись металла.

И мир взорвался болью.

Я не вскрикнула — воздух просто выбило из легких. Колени подогнулись. В глазах вспыхнул белый свет, такой яркий, что на миг исчезли стены, потолок, пол, собственное тело. Осталась только ослепительная ледяная пустота, и в этой пустоте кто-то будто провел острием ножа прямо по внутренней стороне черепа.

Я рухнула на одно колено, вцепившись в край туалетного столика.

Зеркало покрылось инеем мгновенно.

От поверхности стекла потянулись белые прожилки, хрустально-ломкие, и в глубине отражения вместо моих глаз на

секунду мелькнули чужие — такие же светлые, но абсолютно спокойные.

Не снимай.

Шепот прозвучал у самого уха.

Я замерла.

Медленно подняла голову.

В комнате никого не было.

Только я, зеркало, снег за окнами и дрожь, бегущая по телу от макушки до пальцев.

— Прекрасно, — выдохнула я хрипло. — Теперь я еще и голоса слышу.

Боль не ушла, но стала глубже, тише. Словно корона предупредила и теперь ждала, сделаю ли я выводы.

Я осторожно убрала руки.

Пульсация в висках немного ослабла.

Значит, снять ее нельзя.

Не просто «неудобно».

Нельзя.

Очень обнадеживающе.

Я поднялась и отошла от зеркала. Села в кресло, заставила себя медленно вдохнуть, выдохнуть. В комнате пахло снегом, синеватым магическим пламенем и еще чем-то металлическим — как бывает перед бурей.

В дверь постучали.

— Войдите.

На этот раз это была не Морвейн, а пожилой лекарь. Худой, сутулый, с длинными сухими руками и лицом человека, который прожил среди больных столько лет, что давно разучился удивляться чужим страданиям. За ним вошла служанка с подносом: темная кружка, тонкая чаша с водой, пузырек из матового стекла.

— Ваше величество, — лекарь поклонился. — Мне сообщили, что вы сегодня перенесли сильное напряжение.

Интересно, как красиво во дворце называют ссору с му-

жем и поход к любовнице.

— У меня был насыщенный день, — ответила я. — Это диагноз или донос?

Он чуть прищурился, но, к его чести, виду не подал.

— Это наблюдение.

— Тогда наблюдайте быстрее. Я устала.

Он подошел ближе. Очень осторожно. Не как к королеве — как к опасной магической аномалии, которая в любой момент может или умереть, или заморозить ползамка.

— Разрешите?

Он показал на мое запястье, на зрачки, на голову. Я коротко кивнула.

Осмотр длился недолго. Пальцы у него были сухие и холодные. Когда он приблизился к короне, я автоматически напрыглась.

Он заметил.

— Болит? — спросил тихо.

— Если вы имеете в виду ощущение, будто мне в виски медленно вкручивают ледяные иглы, то да. Немного беспокоит.

Он не улыбнулся. Только отступил.

— Сегодня приступ был?

— Что именно вы называете приступом?

— Обморок, потерю контроля над магией, выпадение памяти, резкий выброс холода, кровотечение из носа, слуховые и зрительные искажения.

Я посмотрела на него внимательнее.

— А вы оптимист.

— Я точен.

— Тогда да. Было кое-что из списка.

— Что именно?

Я помолчала.

Рассказывать про женский голос у зеркала не хотелось. Не потому, что боялась показаться безумной. Здесь, похоже, безумие давно стало частью придворного этикета. Но некоторые вещи лучше оставить при себе, пока не понимаешь, кто перед тобой.

— Боль от короны, — сказала я. — Вспышка света. И... странное ощущение.

— Какое?

— Будто она не украшение. А замок.

На этот раз он посмотрел на меня по-настоящему.

Впервые.

Не как на больную, не как на королеву, не как на надоевшую проблему.

Как на человека, который сказал что-то правильное.

— Да, — произнес он после паузы. — Это близко к истине.

Я выпрямилась в кресле.

— Объясните.

Он покосился на служанку.

— Оставь нас.

Девушка побледнела, но поспешно вышла. Дверь закрылась.

Лекарь не торопился начинать, словно взвешивал не слова, а риск.

— Корона снежных королев, ваше величество, — сказал он наконец, — не просто символ. Она закрепляет право на власть, связывает хозяйку с дворцом и... удерживает то, что без нее может выйти наружу.

— Что именно?

— Силу.

— Мою?

Он колебался.

— Не только вашу.

Я молчала, не сводя с него глаз.

— Продолжайте.

— Ледяная линия рода никогда не была простой, — сказал он. — Ваш дар связан не с одним источником. И когда магия разбалансируется, корона удерживает контур.

— Удерживает контур... чего? Моей жизни?

— Вашего сознания.

Комната будто похолодела еще сильнее.

— То есть без этой штуки на голове я что — умру?

— Не обязательно.

— Как мило.

— Но последствия могут быть непредсказуемы.

Я коротко рассмеялась.

— По-моему, у меня уже весь день сплошные непредсказуемые последствия.

Он не поддержал.

— Вы пытались снять ее раньше. Несколько раз.

Я замерла.

— Я?

— Да.

— И?

Он посмотрел в сторону окна.

— После последней попытки вы три дня не узнавали никого вокруг.

Вот теперь я поняла, откуда в глазах дракона тот вопрос.

Кто ты?

Не абстрактное подозрение. Привычный страх человека,

который уже видел, как его жена перестает быть самой собой.

И все равно...

Что-то не сходилось.

— Если корона удерживает сознание, — произнесла я медленно, — значит, оно уже было повреждено до нее. Так?

Он не ответил сразу.

— Так, — сказал наконец.

— Почему?

— На этот вопрос я не могу ответить.

— Не можете или не хотите?

— И то и другое.

— Король запретил?

Вот тут он вскинул взгляд быстро. Слишком быстро.

Я кивнула сама себе.

— Понятно.

Он чуть сжал челюсть.

— Я не враг вам, ваше величество.

— Тогда поведите себя не как враг.

— Некоторые знания опасны.

— Для кого?

Он устало прикрыл глаза.

— Для вас в первую очередь.

Эта фраза сегодня, кажется, была всеобщим хитом.

— Удивительно, как удобно всем вокруг заботиться обо мне именно тогда, когда дело касается правды, — произнесла я.

Лекарь поставил пузырек на стол.

— Выпейте это перед сном. Оно ослабит боль.

— А память?

— Память не ослабит ничто.

Он поклонился и направился к двери.

— Подождите.

Он обернулся.

— Когда начались эти... провалы?

— Сначала редко. Потом чаще. После зимнего обряда — почти постоянно.

— Какого обряда?

— Вам лучше спросить об этом не меня.

И вышел.

Я осталась одна с пузырьком, зеркалом и очередным куском тайны, который только добавил вопросов.

После зимнего обряда.

Прекрасно.

Еще один термин, о котором все знают, кроме меня.

Я взяла пузырек, понюхала. Горько. Травы, ледяная мята, что-то смолистое. Вряд ли яд — если они хотели бы убить меня тихо, им не пришлось бы столько лет ждать. Я выпила залпом. Горло обожгло холодом.

Почти сразу стало легче дышать.

Ненамного, но достаточно, чтобы снова встать.

За окнами уже сгущались сумерки. Зимние, густые, синие. Где-то внизу на башнях зажглись огни. Снежная мгла за стеклом превратилась в бесконечное темное движение.

Я подошла к окну.

С высоты моих покоев дворец был похож на белое каменное чудовище, заснувшее на скале. Башни торчали из метели, мосты соединяли корпуса над бездной, внутренние дворы тонули в снегу. И среди всех этих крыльев и шпилей северная башня выделялась даже отсюда.

Выше.

Старше.

Темнее.

Ее окна были узкими, почти слепыми. В отличие от остальных частей дворца, там не горел свет. Только лед на стенах мерцал в сумерках как застывшая кровь луны.

Я смотрела на нее, и внутри поднималось то странное чувство, которое не спутать ни с любопытством, ни со страхом.

Узнавание.

Будто часть меня — не моя, а той женщины, что жила в этом теле прежде, — уже тысячу раз возвращалась к этой башне мыслями. Будто там остался не просто секрет, а что-то недоговоренное, оборванное на полуслове.

В зеркале за моей спиной что-то мелькнуло.

Я резко обернулась.

Пусто.

Но на этот раз мне не почудилось: по стеклу действительно снова полз иней. Не хаотично, как раньше, а тонкими линиями, складывающимися в рисунок.

Я подошла ближе.

Линии сплетались, как ветви.

Потом как буквы.

Потом...

Слово.

Не верь.

Я замерла.

Медленно прочла еще раз.

Белые тонкие буквы проступали прямо на зеркале и таяли у меня на глазах.

— Кому? — спросила я почти шепотом.

Ответа не было.

Только новая волна холода ударила в виски, сильнее прежней. Я инстинктивно схватилась за корону — и меня снова выдернуло из комнаты.

На этот раз не болью.

Памятью.

Темный зал.

Не мой нынешний советный. Другой.

Старше.

Грубее.

Без белого блеска и хрусталя.

С факелами по стенам и запахом горелого воска.

Я стояла босиком на камне.

Нет — не я.

Она.

Прежняя снежная королева.

Но чувствовала я все как свое.

Холод под ступнями.

Тошноту.

Слабость.

Унизительную дрожь в коленях, которую невозможно остановить.

Напротив — трое.

Дракон.

Мужчина в темной мантии, лица которого я не могла разглядеть.

И женщина.

Не Эйлера.

Другая.

Старая.

С резким лицом и глазами, похожими на ледяные булавки.

— Это единственный выход, — говорил мужчина в мантии.

— Для кого? — спросила она... я... мы.

Голос был сорванный. Больной. Из последних сил.

— Для севера, ваше величество, — ответила женщина с ледяными глазами.

Ложь.

Даже сквозь память я это чувствовала.

— Вы просите меня запечатать сердце, — произнесла снежная королева. — После этого я перестану быть собой.

— Вы останетесь живы, — сказал мужчина в мантии.

— Это не одно и то же.

Я перевела взгляд на дракона.

Он стоял неподвижно. Молодее, чем сейчас, но уже с тем же лицом, которое слишком хорошо умеет скрывать чувства. Только в памяти скрывал хуже. В его глазах была ярость. Не на меня. Не на нее. На самую ситуацию. На необходимость. На что-то, чему он не мог воспротивиться.

— Скажи им нет, — прошептала снежная королева.

Он молчал.

— Скажи им нет.

Тишина.

Потом он произнес:

— Иначе ты умрешь.

— А так?

Он не ответил.

Женщина с ледяными глазами подошла ближе, держа в руках тонкий обруч из белого металла.

Корону.

Не эту — или эту, но другую. Еще не на мне. Еще свободную.

— Род не может потерять королеву, — сказала она. — Даже если придется удержать только оболочку.

Оболочку.

Слово ударило как плеть.

Снежная королева качнулась назад.

— Ты обещал, — прошептала она дракону. — Ты обещал, что не позволишь.

И вот тут его лицо изменилось.

Всего на мгновение.

Настолько страшно, что у меня внутри все сжалось.

Потому что он действительно обещал.

И действительно собирался нарушить.

— Прости, — сказал он тихо.

Женщина вонзила корону ей на голову.

Я закричала — или она закричала.

Свет.

Лед.

Боль, от которой рвется не тело, а сама личность.

Белый огонь под черепом.

Холодная рука на сердце.

Печать.

Замок.

Темнота.

И последняя мысль, оборванная пополам:

Не дай им...

Я очнулась на полу.

Щека прижата к холодному камню. Волосы растрепаны. Где-то рядом разбилось зеркало — нет, не все, только верхний угол пошел паутиной трещин. Дышать было трудно, будто грудь затянули льдом изнутри.

И из носа текла кровь.

Я медленно села, прижала ладонь к лицу и увидела на пальцах темные пятна.

— Чудесно, — пробормотала я. — Просто чудесно.

Голова раскалывалась.

Но теперь, среди боли и слабости, было кое-что новое.

Я знала.

Не все.

Но главное — да.

Печать наложили не для защиты.

Не только для защиты.

Они удержали ее живой ценой самой себя. Сделали из снежной королевы не женщину, а функционирующий символ. Оставили на троне тело, власть, корону — и начали медленно вытравливать все, что делало ее личностью.

И дракон...

Я закрыла глаза.

Хуже всего было не то, что он это допустил.

А то, как он тогда выглядел.

Не равнодушным.

Не жестоким.

Сломанным.

Человек, который позволил сделать ужасное не потому, что хотел, а потому, что не видел другого выхода.

От этого ненавидеть его было даже труднее.

А мне сейчас хотелось именно ненавидеть. Просто. Ясно. Без сомнений.

Но память, как назло, не давала такой роскоши.

Я заставила себя встать. Подошла к столику, взяла чистую

ткань, прижала к носу. Потом — медленно, очень осторожно — посмотрела в треснувшее зеркало.

Отражение дрожало.

На секунду мне показалось, что рядом со мной снова стоит она.

Та самая снежная королева.

Бледная. Уставшая. С той обреченной красотой, которую я носила теперь на своем лице.

Только на этот раз она не выглядела призраком.

Скорее женщиной, которой наконец-то есть кому передать незавершенное.

— Я поняла, — сказала я тихо.

Отражение не шевельнулось.

— Не все. Но достаточно, чтобы не дать им снова сделать из меня оболочку.

Трещина в зеркале побежала чуть дальше.

Тонко.

Почти одобрительно.

Я невольно усмехнулась.

— У нас, похоже, впереди много работы.

За дверью снова слышались шаги.

Не торопливые.

Тяжелые.

Мужские.

Я замерла.

Почему-то я сразу знала, кто это.

Не стража.

Не лекарь.

Не Морвейн.

Он.

Я выпрямилась так быстро, как позволяла боль. Стерла кровь с губы. Поправила волосы. Не для него — для себя. Я не собиралась встречать короля на полу и в слабости, какой бы правдой ни пульсировала у меня голова.

Стук.

Один.
Короткий.

Не приказ. Не вторжение.
Почти просьба.

Надо же.

— Войдите, — сказала я.

Дверь открылась.

Дракон остановился на пороге — и в его взгляде мгновенно мелькнуло что-то резкое, опасное, когда он увидел кровь, треснувшее зеркало и меня с ладонью у лица.

— Что случилось?

Я смотрела на него молча.

А в голове, еще горячей от памяти, звучало его прежнее:
Прости.

Слишком позднее слово.
Слишком страшное.

— Теперь ты спрашиваешь? — произнесла я наконец.

Он сделал шаг внутрь.

— Что ты видела?

Не «ты в порядке».

Не «тебе нужен лекарь».

Не «я волновался».

Что ты видела.

Вот и все, что мне нужно было знать.

Я медленно опустила окровавленную ткань.

— Достаточно, — сказала я. — Чтобы понять: корона режет виски не потому, что тяжела. А потому, что держит на месте то, что вы когда-то едва не убили.

Его лицо стало неподвижным.

Слишком неподвижным.

И это было ответом лучше любого признания.

Я сделала вдох, игнорируя слабость.

— Вон, — сказала тихо.

Он не двинулся.

— Тебе нельзя сейчас одной.

— Поздно заботиться.

— Это не забота.

— Конечно, — кивнула я. — Это снова необходимость. Для севера. Для трона. Для вашего удобства. Я уже слышала.

Он сжал челюсть.

— Ты не понимаешь...

— Не смей говорить мне это после того, что вы с ней сделали.

Тишина ударила в стены.

Он побледнел едва заметно.

Но я увидела.

— Ты вспомнила не все, — произнес он глухо.

— А мне хватило.

Он смотрел на меня так, будто в эту секунду перед ним снова рухнул тот самый хрупкий порядок, который он годами удерживал руками, зубами, молчанием.

И, возможно, так и было.

Потому что теперь я знала главное:

меня не просто предали.

Меня сохранили ценой уничтожения.

И я еще не решила, что страшнее.

— Выйди, — повторила я.

На этот раз он подошел только на шаг.

Не ближе.

— Сегодня ночью тебе нельзя оставаться одной, — сказал он.

— Почему? Боюсь превратиться в пустую оболочку без присмотра?

Что-то дрогнуло у него в лице.

Очень быстро.

Как удар под ребра, который никто не должен заметить.

— Потому что после отката печати могут прийти другие воспоминания, — ответил он. — И некоторые из них сломают тебя сильнее, чем эта.

Я усмехнулась.

Почти беззвучно.

— Тогда тебе особенно не стоит быть рядом. Вдруг я вспомню все.

Он молчал долго.

Потом сказал:

— Утром я прикажу принести тебе карту дворца.

Вот теперь я действительно удивилась.

Совсем чуть-чуть.

Но удивилась.

— С чего такая щедрость?

— Потому что если я не дам ее сам, ты все равно найдешь другой путь.

— Верно.

— И потому что я предпочту знать, куда ты пойдешь.

А вот это уже честно.

— Не выйдет, — сказала я. — Не все пути я собираюсь показывать тебе заранее.

На мгновение мне показалось, что он сейчас снова прикажет, запретит, сломает разговор привычной властью.

Но он только кивнул.

Один раз.

Тяжело.

— Лекарь останется за дверью, — произнес он. — Если начнется новый приступ, позови.

— Я предпочту умереть с достоинством.

— Не говори так.

— Почему? Вы же уже однажды выбрали вместо меня, как именно я должна жить.

Этого он не выдержал.

Отвернулся.

Резко.

Как человек, которому физически больно оставаться в комнате еще хоть секунду.

У двери остановился.

И, не оборачиваясь, сказал:

— Ты думаешь, я простил себе это?

Потом вышел.

Дверь закрылась.

Я осталась одна в тишине, где все еще пахло кровью, магией и треснувшим зеркалом.

И вдруг поняла: ночь только начинается.

Глава 5. Запечатанная башня севера

Ночь почти не дала мне сна.

Я не металась по постели и не просыпалась с криком — слишком измотано было тело для такой роскоши. Но сон, который все же приходил, был рваным, мелким, как лед под ногами весной. Стоило провалиться чуть глубже, как меня снова выбрасывало вверх: то от вспышки боли в висках, то от чужого шепота, то от ощущения, будто кто-то стоит у окна и смотрит на меня сквозь снег.

Несколько раз я открывала глаза и видела только полог, бледный свет магических чаш и тонкий узор инея на стекле.

Один раз мне показалось, что в кресле у камина сидит женщина в белом.

Я даже села рывком.

Но кресло оказалось пустым.

Еще немного — и я начну разговаривать с мебелью, а это

плохой знак даже для мира с драконами и живыми коронами.

Под утро боль в голове стала тише. Не ушла, а будто отступила вглубь, засела под черепом и теперь ждала, когда я снова сделаю что-нибудь неосторожное. Зато пришла ясность.

Тяжелая.

Нехорошая.

Но полезная.

Я лежала, глядя в бледный потолок, и медленно перебирала то небольшое, что уже знала.

Снежную королеву не просто бросили.

Ее переделали.

Не убили, хотя, возможно, это было бы милосерднее. Не изгнали. Не лишили титула открыто. Все сделали куда тоньше. Запечатали, удержали, ослабили, приучили двор видеть в ней не женщину и не правительницу, а болезненную тень, которую нужно беречь ровно настолько, чтобы она не мешала.

Дракон это допустил.

Не из холодного равнодушия — в этом-то и была проблема.

Если бы он был чудовищем, все стало бы проще. Но память упорно подсовывала мне совсем другую картину: человека, который однажды выбрал страшный выход, потому что не видел иного, и с тех пор, кажется, платил за это не меньше, чем его жена.

Жаль только, что чужое чувство вины не отменяет чужого предательства.

Я закрыла глаза.

Нет.

Разбираться с ним — потом.

Слишком много внимания он уже занял в этой истории, а я не собиралась превращать собственную жизнь в бесконечную реакцию на мужчину.

Сейчас важнее другое: башня.

И карта.

Когда в дверь постучали, я уже сидела у окна, завернувшись в теплую накидку поверх тонкой сорочки, и смотрела, как светлеет снежная мгла над дальними стенами.

— Войдите.

Это была Морвейн.

Как всегда безупречная, собранная, с тем лицом, по которому невозможно прочесть, спала ли она этой ночью, удивлялась ли чему-то вообще и есть ли у нее внутри хоть капля обычной человеческой жизни.

В руках она держала длинный кожаный футляр.

— Ваше величество, — сказала она, — по приказу короля вам доставлена карта дворца.

Я подняла брови.

— Надо же. Он умеет удивлять.

— Его величество редко делает то, чего не считает необходимым.

— Не сомневаюсь.

Она подошла и положила футляр на стол.

Я специально не потянулась к нему сразу.

— Что-нибудь еще?

— Лекарь велел уточнить, как вы себя чувствуете.

— Разочарую его. Жива.

Морвейн выдержала паузу.

— Это хорошие новости для не всех, ваше величество.

Я посмотрела на нее внимательнее.

Она сказала это ровно.

Но не без смысла.

— Вы становитесь смелее, леди Морвейн.

— Я становлюсь точнее.

— Тогда будьте точны до конца. В этом дворце мне вообще кто-нибудь говорит правду?

Ее взгляд чуть изменился.

Не потеплел — с чего бы.

Но стал более человеческим.

— Иногда, — сказала она. — Обычно слишком поздно.

И вот это было уже почти откровением.

— Можете идти, — сказала я.

Когда дверь закрылась, я взяла футляр.

Кожа была мягкая, старая, с ледяным узором по краю. Внутри оказался свиток, плотный, тяжелый, пахнущий сухой бумагой и чем-то смоляным, будто его хранили не просто как схему здания, а как вещь, которая сама по себе требует защиты.

Я развернула карту на столе.

И замерла.

Это был не чертеж в обычном смысле. Скорее почти произведение искусства. Тонкие серебряные линии, белый пергамент, цветовые отметки разных крыльев, башен, переходов, внутренних дворов, уровней, террас и мостов. Дворец действительно напоминал живое создание — многослойное, огромное, выросшее не за одну эпоху. Восточное крыло, западное, нижние галереи, старый зал аудиенций, зимние сады, оружейные, жилые уровни, храмовая часть, архивы...

И северная башня.

Она была обозначена отдельным знаком. Не просто кругом или прямоугольником, как все остальное, а восьмиконечной ледяной звездой, вписанной в темный контур.

Запечатанный объект.

Ну конечно.

Я наклонилась ближе.

Снаружи к башне вел только один мост — узкий, открытый, высоко над бездной. У самого входа стояла отметка королевской печати. Официальный путь отсечен. Но такие места редко строят с одной дверью. Особенно древние. Особенно если речь идет не просто о башне, а о хранилище власти или тайн.

Я провела пальцем по линиям соседних уровней.

Нижние галереи.

Старая лестничная шахта.

Пометки служебных переходов.

Закрытая часовня.

Ледяной коридор, ведущий к северному крылу, но...

Стоп.

Я прищурилась.

В одном месте линии словно расходились странно. Как будто художник начал рисовать проход и потом передумал, оставив только намек — чуть более толстую тень под слоем серебряной краски.

Я взяла со стола тонкий нож для писем, подцепила ногтем край пергамента, затем осторожно поскребла там, где заметила неровность.

Серебристая пыль осыпалась на стол.

Под ней проступила другая линия.

Старая.

Темная.

Почти вытертая.

Тайный проход.

Я медленно выдохнула.

Ну вот.

Хотя бы что-то в этом дворце ведет себя как порядочная тайна.

Скрытый путь начинался не у самой башни, а в нижней части старой дворцовой часовни, той самой, что на карте была отмечена как «неиспользуемая». Оттуда линия уходила за стену, поднималась узкой спиралью и выводила в основание северной башни, минуя запечатанный мост.

Кто-то очень не хотел, чтобы этот путь нашли.

И еще сильнее не хотел, чтобы по нему пошла именно я.

Тем более следовало пойти.

Я расправила плечи и еще раз осмотрела карту.

Часовня находилась на старом уровне дворца, куда, судя по схеме, почти никто уже не ходил. Ниже жилых галерей, ближе к северной части, но не настолько открыто, чтобы меня сразу заметили.

Идеально.

Оставался один вопрос: когда?

Сейчас, с утра, двор еще только просыпается. Слуги на ногах, но придворные заняты завтраками, король — делами, любовница, надеюсь, тоже. Днем там может быть слишком много случайных глаз. Ночью — слишком подозрительно, особенно если у дверей моих покоев действительно торчит лекарь или стража.

Значит, позднее утро.

Время, когда уже все чем-то заняты, но не ждут королеву в старой часовне.

Я свернула карту, спрятала в тонкий чехол и позвонила в колокольчик.

Пришла Илина.

Бедная девочка за эти дни успела выучить, что у ее королевы то кровь, то приступы, то внезапные распоряжения. И каждый раз смотрела на меня так, будто я могу в любой момент превратиться в снежную бурю.

— Да, ваше величество?

— Мне нужно платье попроще. Теплое. И темный плащ.

Она моргнула.

— Вы куда-то... собираетесь?

— Ты задаешь слишком опасные вопросы.

— Простите.

— Илина, — сказала я мягче, чем обычно. — Сегодня ты меня не видела.

Она побледнела.

— Но если спросят...

— Скажешь, что я отдыхаю после ночного приступа. В это все охотно поверят.

— Да, ваше величество.

Пока она готовила одежду, я села и заставила себя выпить горячий настой, оставленный лекарем. Горечь, ледяная мята, мед. Тело понемногу оживало, хотя внутри все равно оставалась слабость — не смертельная, но неприятная. Идти в неизвестный проход в таком состоянии было не лучшей идеей.

Зато сидеть и ждать, пока за меня решат все остальные, — еще хуже.

Через некоторое время я уже была одета в темное шерстяное платье без лишних украшений и длинный плащ с глубоким капюшоном. Корона, разумеется, осталась. Без нее меня бы просто не узнали, а снять ее я больше не пыталась. Но поверх волос легла тонкая вуаль из серебристой сетки, и в сочетании с капюшоном это должно было хоть немного скрыть мое лицо.

Не шпион, конечно.

Но для королевы — почти подвиг.

Я еще раз проверила карту, запомнила маршрут и вышла.

В этот раз без Морвейн, без служанок, без предупреждений.

Коридоры утреннего дворца пахли снегом, хлебом и дымом магических огней. Где-то далеко внизу начиналась жизнь: стук посуды, переключки стражи, приглушенный шум кухонь. На верхних уровнях было тише. Несколько слуг при виде меня склонились так резко, будто я застала их на преступлении. Один молодой придворный у окна едва не выро-

НИЛ СВИТКИ.

Хорошо.

Пусть смотрят.

Пусть гадают.

Иногда лучшая маскировка — идти так, словно у тебя есть полное право быть где угодно.

Я спустилась на один уровень, потом еще на один. Здесь стены уже были другими — менее парадными, старше, с темным камнем под слоем инея. Реже встречались гобелены, меньше света, больше узких переходов и глухих дверей. Это была не та часть дворца, которую показывают гостям. Скорее внутренности древнего зверя: практичные, крепкие, забытые.

По пути мне попалась пара стражников. Они поклонились, но переглянулись с плохо скрытым удивлением.

— Где старая часовня? — спросила я.

Один из них явно не ожидал вопроса.

— Ваше величество... северная? Нижняя?

— А у вас их много?

— Нет, ваше величество. По лестнице вниз, затем через арку с гербом первого рода, потом левый коридор. Но... там давно не служат.

— Я тоже не собираюсь молиться, — сказала я и пошла дальше.

Они остались стоять в замешательстве.

Лестница вела все ниже.

Воздух становился холоднее, суше. Камень под ногами был старше, грубее, иногда даже с трещинами. На стенах попадались высеченные знаки, значение которых я не понимала: старые руны, переплетения снежных ветвей, символы драконьих крыльев.

Иногда мне казалось, что дворец узнает этот путь раньше меня.

Будто тело помнит.

Ноги замедлялись сами собой на нужных поворотах. В груди появлялось странное чувство тревоги и притяжения одновременно. Не страх места. Страх памяти, которая может

ждать за следующей дверью.

Наконец я вышла к арке с древним гербом.

Не нынешним драконом в кольце льда. Другим: две короны, ледяная и огненная, обращенные друг к другу. Старый союз? Старый конфликт? В этой семье, похоже, любой орнамент таил больше смысла, чем половина придворных речей.

Левый коридор оказался узким и почти пустым. Света здесь было мало — только редкие светильники в нишах. На полу лежал нетронутый иней. Значит, сюда действительно почти не ходят.

В конце коридора ждала дверь.

Высокая, темная, деревянная, с посеребренными полосами. Без охраны. Без печатей. Но с таким ощущением заброшенности, которое иногда бывает ложным — как тишина перед ловушкой.

Я толкнула ее.

Дверь открылась тяжело, с тихим скрипом, будто не хотела пускать даже королеву.

Часовня встретила меня полумраком.

Небольшое, высокое помещение. Каменные скамьи вдоль стен. Узкие окна, запорошенные снегом снаружи. В центре — алтарь из белого камня, покрытый тонким слоем инея. По бокам стояли две разбитые чаши для огня. Под потолком тянулись росписи, почти стертые временем: драконы, снег, женщина в короне, воздевающая руки к буре.

Я сделала несколько шагов внутрь.

И сразу поняла: это место не просто заброшено. Его забыли специально.

Не убрали.

Не закрыли.

Именно забыли.

Здесь не осталось свежих следов, но и полной мертвенности тоже не было. Слишком чистый пол для действительно заброшенной часовни. Слишком мало пыли в углах. Кто-то иногда приходит. Редко. Осторожно. Но приходит.

Я обошла алтарь.

На карте скрытый вход должен был быть где-то здесь, в

основании северной стены.

Камень, камень, старые швы, потемневшие руны...

Ничего.

Я провела ладонью по стене. Холод.

Неровность.

Еще одна.

Потом — едва заметная выемка в форме той самой ледяной лилии.

Ну конечно. Они даже тайные ходы не могут сделать без символического пафоса.

Я нажала.

Ничего.

Сильнее.

Тоже ничего.

Ладно.

Я прищурилась и осмотрела стену внимательнее. Выемка

была слишком мелкой для обычного механизма. И вдруг я поняла.

Не нажать.
Коснуться.

Я сняла перчатку и приложила голую ладонь к символу.

Камень вздрогнул.

Легко, почти незаметно. Но я почувствовала это всем телом — как если бы в глубине стены проснулось что-то древнее и узнало меня.

Из-под пальцев побежал иней. Тонкие линии растеклись по швам, складываясь в узор. Потом внутри стены что-то тихо щелкнуло.

Часть кладки медленно отъехала в сторону.

За ней открылся узкий проход, уходящий в темноту.

Я невольно улыбнулась.

— Ну здравствуй.

Изнутри дохнуло ледяным воздухом и запахом старого камня. Ни пыли, ни гнили. Только холод и тишина.

Я натянула перчатку обратно, поправила плащ и шагнула внутрь.

Проход оказался уже, чем я думала. Каменные стены с обеих сторон, спиральная лестница, уходящая вверх под крутым углом. Света не было. Только где-то впереди мерцало бледное голубоватое сияние — неярко, как лунный след на льду.

Я закрыла за собой вход. Стена встала на место с тихим скрежетом.

И сразу стало ясно: обратно будет не так просто.

Отлично. Люблю честные отношения с архитектурой.

Я поднималась медленно. Не из осторожности даже — из-за тела. После нескольких витков лестницы сердце снова стало биться слишком быстро. Приходилось останавливаться, класть ладонь на стену и ждать, пока слабость отступит. Камень под пальцами был ледяным, но не мертвым. Порой мне казалось, что он слегка вибрирует, будто в башне течет своя скрытая жизнь.

На одном из поворотов я заметила царапины на стене.

Не старые.

Свежие.

Как будто кто-то провел ногтями или металлическим предметом, спеша вверх или вниз.

Я наклонилась ближе.

Три параллельные линии. И рядом — почти стершийся след темного пятна.

Кровь?

Сердце неприятно сжалось.

Кто еще ходит здесь?

Эйлера?

Дракон?

Морвейн?

Кто-то третий?

Я продолжила подъем, уже внимательнее слушая тишину.

И на следующем пролете услышала звук.

Не шаги.

Не голос.

Шорох ткани.

Совсем тихий.

Где-то выше.

Я мгновенно остановилась.

Шорох повторился. Потом — короткий металлический звон, словно о камень нечаянно задела украшением или ключом.

Я подняла голову.

Голубоватый свет впереди дрогнул.

Кто-то был в башне.

Не «когда-то был».

Сейчас.

Я инстинктивно отступила в тень лестничного витка, при-

жалась к стене и задержала дыхание.

Стук сердца стал таким громким, что казалось, его слышно на весь проход.

Шорох стал ближе.

Медленный.

Осторожный.

Кто-то спускался.

Я огляделась в поисках хоть какой-то ниши — и заметила узкий боковой уступ между стеной и каменным выступом, почти невидимый в темноте. Втиснулась туда, прижала плащ к себе и замерла.

Шагов по-прежнему не было. Только этот странный шорох, будто идущий человек почти не касается ступеней.

А потом он появился.

Сначала тень.

Потом край темного плаща.

Потом рука — тонкая, в перчатке, со вспыхнувшим на пальце серебром.

Женщина.

Она двигалась быстро, почти бесшумно, спускаясь по лестнице сверху. Лицо скрывал глубокий капюшон. Но в одном я была уверена сразу: это не Эйлера. Не та походка. Не тот силуэт. Не та пластика.

Незнакомка поравнялась с моим укрытием.

На миг мне показалось, что она остановится.

Повернет голову.

Увидит.

Но она только чуть замедлилась, словно прислушиваясь, а потом пошла дальше вниз.

И в этот самый миг из-под ее плаща что-то выскользнуло и упало на ступеньку.

Тихо.

Едва слышно.

Женщина не заметила.

Через несколько секунд шорох стих внизу.

Я ждала еще немного, считая про себя удары сердца.

Пять.

Десять.

Пятнадцать.

Тишина.

Тогда я вышла из укрытия и подошла к ступеньке.

На камне лежал ключ.

Небольшой, серебряный, изящной работы. В головке — прорезь в форме полумесяца, оплетенного снежной ветвью.

Тот же знак, что был на ноже для писем в покоях Эйлеры.

Я медленно подняла ключ.

Металл оказался ледяным.

Вот теперь все стало еще интереснее.

У меня в ладони лежала не просто чужая вещь. Нить. Прямая нить между башней, тайным проходом и кем-то, кто связан с моими родовыми знаками, но почему-то прячется в се-

верной части дворца.

Я сжала ключ в кулаке.

Хорошо.

Значит, я не зря пришла.

И я еще не дошла до конца.

Я подняла голову к уходящей вверх лестнице.

Голубоватый свет все еще мерцал наверху, тихий и холодный, как ожидание.

Сейчас я могла развернуться. Вернуться вниз. Унести ключ, подумать, сделать выводы, не рисковать больше, чем уже рискнула.

Правильное решение.

Осторожное.

Разумное.

Я пошла вверх.

Потому что осторожность в этом дворце уже слишком

многих сделала удобными мертвецами.

Лестница вывела к узкой двери из белого металла.

Без ручки.

Без замка снаружи.

Только круглая ниша в центре — точь-в-точь под мой найденный ключ.

Я посмотрела на него.

Потом на дверь.

Потом снова на ключ.

Ну конечно.

Я вставила его в нишу.

Механизм внутри отозвался мгновенно — тихим, почти музыкальным щелчком. По белому металлу побежали тонкие трещинки инея, складываясь в узор. Дверь медленно приоткрылась.

Из щели хлынул морозный свет.

Я толкнула ее сильнее и переступила порог.

И замерла.

Потому что это была уже не лестница, не проход и не заброшенная часть дворца.

Это была сама башня.

Круглая комната, высокая, залитая голубым светом, который исходил не от ламп и не от огня, а от самого льда. Стены здесь были не каменные — почти полностью прозрачные, будто выточенные из цельного ледяного кристалла. Внутри этих стен что-то мерцало, как замерзшие молнии. Вдоль круга тянулись старые стеллажи, закрытые ледяной коркой. На полу — вырезанные руны. В центре — постамент, накрытый прозрачным куполом инея.

А под куполом...

Лежал дневник.

Темная обложка.

Серебряный замок.

И на переплете — мои инициалы.

Не мои, конечно.

Ее.

Снежной королевы.

Я сделала шаг вперед.

И в этот же момент за спиной, где-то в глубине прохода, снова послышался шорох.

Кто-то возвращался.

Я резко обернулась.

Дверь в лестницу еще не успела закрыться до конца. В узкой щели мелькнула тень.

И женский голос — тихий, холодный, совершенно мне незнакомый — произнес:

— Так и знала, что вы все-таки придете сюда, ваше величество.

Глава 6. Тайна прежней королевы

Я не обернулась сразу.

Странно, но в такие моменты тело иногда оказывается умнее разума. Разум рвется сделать резкое движение, увидеть угрозу лицом к лицу, схватиться за первое попавшееся оружие — хотя в моем случае это, скорее всего, был бы тяжелый подсвечник, если бы в ледяной башне вообще нашлось что-то настолько земное. А тело понимает другое: тот, кто уже знает, что ты здесь, никуда не денется. И резкость только выдаст страх.

Поэтому я просто остановилась.

Ровно.

Тихо.

С ключом в ладони и сердцем, которое билось слишком быстро для королевы, но вполне нормально для женщины, оказавшейся в древней башне с тайным дневником и неизвестной гостьей за спиной.

Дверь зашипела инеем и медленно раскрылась шире.

Шагов по-прежнему не было. Только мягкий шорох ткани

о камень и этот голос — низкий, женский, без суеты и без лишней почтительности. Голос человека, который не боится стен, секретов и титулов.

— Если хотите схватиться за горло первой, сейчас самый удобный момент, — произнесла незнакомка. — Но я бы не советовала. Башня не любит истерик.

Я медленно повернулась.

Женщина стояла в дверях, придерживая рукой темный плащ у горла. Высокая, тонкая, с прямой осанкой и лицом, которое трудно было бы назвать красивым в привычном смысле, но невозможно не заметить. Резкие скулы. Узкий подбородок. Бледная кожа с голубоватым зимним оттенком. Волосы, темные с серебряной проседью у висков, заплетены в строгую косу. Глаза — серые, почти стальные.

И самое неприятное: в ее взгляде не было ни удивления, ни страха, ни смущения.

Она ожидала увидеть меня здесь.

Не «когда-нибудь».

Именно сегодня.

— Кто вы? — спросила я.

Она не поклонилась.

Просто сделала шаг внутрь башни, и дверь за ее спиной медленно закрылась сама собой.

— Наконец-то вы начали задавать правильные вопросы,
— сказала она.

Я сжала ключ в кулаке сильнее.

— Это не ответ.

— А вы сейчас не в том положении, чтобы требовать ответы как должное, ваше величество.

— Зато я вполне в том положении, чтобы приказать вам объясниться.

Она чуть склонила голову. Не в почтении — скорее с интересом.

— И вы действительно думаете, что здесь, в башне, приказы королевы работают так же, как в парадных залах?

Хороший удар.

Умный.

Но не смертельный.

Я медленно подошла к центральному постаменту, оставляя между нами расстояние. Дневник под ледяным куполом казался почти живым: темная кожа обложки впитывала голубой свет стен, серебряный замок слегка мерцал, будто чувствовал близость чего-то своего.

— Раз вы заговорили со мной здесь, — сказала я, — значит, вам что-то нужно.

— Разумеется.

— Что именно?

Она посмотрела на дневник.

— Чтобы вы успели прочесть раньше, чем вам снова начнут лгать убедительно.

Холод по спине пробежал не от страха — от точности.

— Вы говорите так, будто не просто знаете о лжи. Вы были рядом с ней.

— Была.

— С прежней королевой?

— Да.

Тишина в башне стала плотнее.

Я смотрела на женщину и пыталась поймать хоть что-то: оттенок боли, вины, нежности, злости — любой след того, что она действительно связана с той, чье тело и жизнь теперь достались мне. Но лицо незнакомки оставалось почти неподвижным. Только в серых глазах время от времени вспыхивало что-то, похожее на очень старую усталость.

— Ваше имя, — сказала я.

— Астрид.

Имя легло в воздух, как кусок льда на воду.
Северное. Старое. Подходящее.

— Вы служили королеве?

— Я служила ее матери. Потом ей.

— И все это время спокойно смотрели, как из нее делают оболочку?

Впервые за весь разговор она изменилась. Не сильно. Только губы стали жестче.

— Вы путаете спокойствие с выживанием.

— Удобная формулировка.

— А вы пока слишком молоды в этой войне, чтобы презирать тех, кто выжил дольше вас.

Я прищурилась.

— Почему вы решили, что можете говорить со мной так?

— Потому что вы пришли в башню одна, хотя вас предупреждали не приходить. Потому что нашли скрытый путь без чужой помощи. Потому что не сбежали, услышав меня за дверью. И потому что смотрите на дневник так, словно уже готовы разрезать себе ладонь о его замок, лишь бы получить ответы.

Я перевела взгляд на дневник.

— Разве не этого вы хотите?

— Хочу, — согласилась она. — Но не ценой вашей крови на первом же замке. Нам и без того слишком долго не везло с королевами.

Нам.

Еще одна оговорка.
Или не оговорка.

— Кто мы, Астрид?

— Те, кто остался от старой стороны дворца.

— Очень туманно.

— Лучше туман, чем чужая петля на шее.

Она подошла ближе к постаменту, остановилась с другой стороны. Теперь дневник лежал между нами, как третье лицо в разговоре.

С близкого расстояния я заметила у нее на пальце тонкий серебряный перстень с полумесяцем, оплетенным снежной ветвью.

Тот же знак.

Ключ.

Нож для писем.

Эйлера.

Я перевела взгляд на кольцо.

Она заметила и спокойно повернула руку, не пытаясь скрыть символ.

— Спрашивайте, — сказала она.

— Этот знак. Что он означает?

— Личный знак ледяной линии королев.

Не парадный герб. Не знак брака. Не символ трона.

Их собственный.

— Почему такой же был на вещи в покоех Эйлеры?

Вот теперь она молчала чуть дольше.

— Потому что Эйлера получила не одну чужую вещь.

— От кого?

— Не с того конца начинаете.

— Я сама решу, с какого конца начинать.

— Нет, — сказала Астрид неожиданно резко. — Не решите, если хотите дожить до конца книги своей жизни, а не закончиться посреди чужой интриги.

Я медленно выдохнула.

Раздражение поднималось быстро. Почти приятно. Значит, тело живо достаточно, чтобы злиться.

— В таком случае перестаньте разговаривать со мной загадками.

— Хорошо. — Она посмотрела прямо мне в глаза. — Во дворце есть человек, который годами передавал Эйлеру вещи королевы. Не потому, что служил ей. А потому, что собирал против вашей предшественницы все, что можно было использовать: привычки, записи, личные знаки, письма, даже мелочи вроде ножей и заколок. Чтобы стереть границу между законной хозяйкой и той, кого готовили ей на смену.

Это было сказано спокойно.

И от этого страшнее.

— Кто? — спросила я.

— Пока не скажу.

— Тогда зачем вы вообще здесь?

— Затем, что вы уже слишком близко подошли к истине, чтобы я позволила вам умереть глупо.

Ненавижу, когда мне пытаются помочь в таком тоне.

И, к сожалению, именно такая помощь чаще всего оказывается самой полезной.

Я посмотрела на дневник.

— Откройте его.

— Нет.

— Тогда отойдите, я открою сама.

— И потеряете сознание быстрее, чем прочтете первую страницу.

— Очень вдохновляюще.

— Ваш дар еще не стабилен. Башня признала вас, но не приняла полностью. Дневник запечатан не от воров. От тех, кто носит корону и все равно еще не готов знать правду.

— А если я решу, что готова?

— Это никак не повлияет на магию.

На секунду мне захотелось швырнуть в нее ключом.
Или в дневник.

Или в самого дракона — мысленно, потому что физически его тут, к сожалению, не было.

Вместо этого я спросила:

— Тогда что вы можете сделать?

Астрид протянула руку к куполу инея.

Лед дрогнул и разошелся под ее пальцами, как тонкая вода.

Интересно.

Очень интересно.

Она не взяла дневник целиком, а только коснулась замка и что-то тихо сказала — не на том языке, который я знала. По серебру пробежала белая искра, и замок щелкнул. Не открываясь полностью, а будто ослабляя один из внутренних узлов.

— Этого хватит на несколько первых страниц, — сказала она. — Дальше башня решит сама.

— Почему помогаете?

Она посмотрела на меня странно.

Не как на чужую.

Не как на госпожу.

Скорее как на вопрос, на который у нее самой до конца нет ответа.

— Потому что прежняя королева просила, — произнесла она тихо. — Если однажды в ее теле проснется не покорность, а воля — отдать дневник именно тогда. Не раньше.

Внутри что-то болезненно сжалось.

— Она знала?

— Она надеялась.

Я опустила взгляд на дневник.

Темная кожа обложки была потерта по краям. Значит, его часто держали в руках. Серебряный замок украшал не герб, а та же ветвь с полумесяцем. Вещь не политическая.

Личная.

Почти интимная.

— Что в нем? — спросила я.

— Не история королевства, если вы об этом.

История женщины, которую слишком долго заставляли быть символом. Ее мысли. Ее страхи. Ее подозрения. И имена, которых не должно быть в официальных бумагах.

Вот теперь сердце забилося уже не от тревоги, а от предчувствия добычи.

Наконец-то что-то не отфильтрованное мужем, лекарями, дворцом и вежливым лицемерием.

— И вы просто так отдаете мне это?

— Нет. — Астрид чуть усмехнулась. — Я отдаю это не просто так. Я отдаю это потому, что дальше у нас, возможно, не будет времени на осторожность.

Я резко подняла голову.

— Почему?

— Потому что вас уже заметили.

— Кто?

— Все, кто умеет смотреть.

— Конкретнее.

— Король — давно.

Эйлера — с сегодняшнего утра.

Тот, кто сидит глубже нее, — после вашего прихода в башню.

И, боюсь, тот, кого вы еще считаете почти безобидным, — тоже.

Слова легли одно за другим, как камни.

Слишком много.

Слишком быстро.

Но я не отвела взгляда.

— Вы говорите так, будто знаете всех игроков.

— Знаю не всех. Но достаточно.

— И все равно прятались до сих пор.

— Потому что мертвые союзники бесполезны, ваше величество.

Я хотела ответить резко.

Не успела.

В глубине стен что-то дрогнуло.

Очень слабо. Почти как отдаленный удар.

Но башня тут же откликнулась: ледяной свет по стенам стал ярче, руны на полу вспыхнули и снова угасли.

Астрид обернулась к двери.

— У нас мало времени.

— Кто-то идет?

— Нет. Пока только проверяют внешнюю печать на мосту. Но это значит, что скоро начнут искать и внутренние пути.

Прекрасно.

Значит, мой маленький утренний поход уже превращается в полноценное преступление.

— Что мне делать? — спросила я.

— Забрать дневник и уйти разными дорогами.

— Я не знаю других дорог.

— Узнаете.

Она вынула из складок плаща тонкую пластину из белого металла — не больше ладони, исписанную мелкими рунами.

— Это ключ от нижней ледяной галереи. Не такой очевидный, как тот, которым вы открыли дверь. Если придется уходить не через часовню, приложите его к любой стене с северной лилией. Путь откроется.

Я взяла пластину.

Металл был теплым.

Странно теплым.

Совсем не по-зимнему.

— Почему вы доверяете мне так быстро?

— Потому что время кончилось быстрее, чем доверие успело родиться.

Честно.

Наконец-то хоть кто-то сегодня честен.

Я потянулась к дневнику.

На этот раз ледяной купол не сопротивлялся. Лишь треснул тонко, как корка на замерзшей луже, и рассыпался серебряной пылью. Я подняла книгу обеими руками.

Тяжелая.

Настоящая.

Теплая на сгибе корешка, как будто ее только что закрыли.

В груди на секунду что-то дернулось.

Не больно.

Скорее — откликом.

Мое.

Нет, не мое.

Ее.

И все же уже почти мое.

— Откройте на первой странице, — сказала Астрид.

Я подчинилась.

Бумага была плотной, светлой, исписанной тонким быстрым почерком.

На первом листе не было даты.

Только строка:

Если ты читаешь это, значит, я либо умерла, либо наконец-то перестала быть удобной.

У меня по позвоночнику пробежал холод сильнее башенного.

Я подняла глаза на Астрид.

Она кивнула.

— Читайте дальше. Но не здесь.

Я успела разглядеть еще несколько строк:

Не верь тем, кто говорит о севере так, будто он важ-

нее тебя. Именно этим меня ломали дольше всего.

Не верь его молчанию — оно всегда значит больше, чем он признает.

И особенно не верь женщине, которую он подпустит слишком близко. Она пришла не за ним.

Я резко закрыла дневник.

Потому что в эту секунду башня снова дрогнула, уже сильнее. Откуда-то снизу донесся глухой металлический звук.

Не шаги.

Печать.

Кто-то действительно проверял пути.

Астрид сделала движение к двери.

— Идите. Сейчас.

— А вы?

— Встретимся снова, если оба не ошибемся в людях.

— Это не ответ.

Она обернулась через плечо.

— Для начала вам хватит и того, что я не враг.

— Сегодня у меня уже был перебор с теми, кто «не враг».

На этот раз в ее глазах мелькнуло что-то похожее на настоящее, живое одобрение.

— Вот поэтому я и решилась выйти из тени.

Она распахнула дверь в лестничный проход.

Я шагнула к ней, но вдруг остановилась.

— Астрид.

— Да?

— Прежняя королева... она вас любила?

Станный вопрос. Необязательный. Личный.
Но он сорвался сам.

Лицо Астрид изменилось впервые по-настоящему.

Не сломалось.

Не смягчилось до конца.

Но в этой жесткой женщине вдруг проступило что-то до боли человеческое.

— Нет, — сказала она тихо. — Она мне не доверяла.

И была права.

Но под конец... перестала быть со мной осторожной.

Это больше, чем любовь при дворе.

Потом она ушла вниз по лестнице — быстро, бесшумно, как будто растворяясь в древнем холоде башни.

Я осталась одна с дневником в руках и металлической пластиной в кармане.

И впервые за все время в этом дворце ощутила не только опасность.

Но и опору.

Маленькую.

Скользкую.

Возможно, ненадежную.

Но настоящую.

Я спрятала дневник под плащ, прижала ближе к груди и

подошла к двери.

Вниз идти тем же путем теперь казалось слишком очевидным. Если снизу действительно кто-то проверяет печати, я рискую встретить не просто стражу, а человека, который знает о башне больше, чем положено.

Я перевела взгляд на стену.

Северная лилия.

Белый лед.

Пластина в кармане.

Ладно.

Проверим, насколько башня сегодня благосклонна к моим преступлениям.

Я достала пластину и приложила к стене рядом с древней вырезанной руной.

Сначала ничего не произошло.

Потом металл в руке дрогнул.

Лилия на стене вспыхнула бледным светом.

И часть ледяной поверхности беззвучно разошлась в сто-

рону, открывая узкий горизонтальный проход.

Изнутри дохнуло морозом и чем-то соленым, будто за стеной жила сама зимняя буря.

Прекрасно.

Я шагнула в темноту.

Проход оказался ниже, чем я ожидала, и пришлось слегка пригнуться. Ледяные стены слабо светились изнутри, давая достаточно света, чтобы видеть дорогу. Пол был гладким, но не скользким — будто кто-то много лет назад продумал даже удобство тайного бегства.

Дневник под плащом будто согревал.

Или это мне только казалось.

Я шла быстро, насколько позволяли платье и остатки ночной слабости. Проход плавно уходил вниз, потом поворачивал, потом выводил к узкой каменной площадке с еще одной стеной-лепестком.

Сзади, далеко, едва слышно донесся звук.

Мужской голос.

Не слова — только интонация.

Жесткая.

Недовольная.

Значит, я не ошиблась.

Они уже были в башне.

Я прижала дневник крепче и коснулась следующей стены пластиной.

Проход открылся мгновенно.

Я выскользнула наружу — и замерла.

Это была не часовня.

Не лестница.

Не коридор.

Небольшая полукруглая галерея за ледяными витражами, нависающая прямо над северным обрывом. За стеклом бушевала метель. Внутри — пусто. Ни души. Только узкая лестница вниз и тяжелая дверь в дальнем конце.

Хорошо.

Я почти успела выдохнуть облегчение, когда с другой стороны двери донеслись шаги.

Спокойные.

Уверенные.

Мужские.

И в следующую секунду я уже знала, кто это.

Не потому, что слышала так уж хорошо.

Потому что слишком быстро научилась узнавать его присутствие раньше, чем лицо.

Дракон.

Черт.

Я метнулась к боковой стене, прижимая дневник к себе. Спрятаться тут было негде. Галерея слишком мала. Витражи слишком светлые. Если дверь откроется — он увидит меня сразу.

Шаги остановились прямо за ней.

Тишина.

Потом его голос, глухо сквозь дерево:

— Я знаю, что кто-то вышел из ледяной галереи.

У меня в груди все оборвалось.

— И знаю, что это не стража, — добавил он.

Молчать?

Бежать вниз?

Открыть?

Руки сами сжались на дневнике.

За дверью снова наступила тишина.

А потом — уже тише, почти совсем близко:

— Если это ты, открой до того, как сюда придут другие.

Вот дерьмо.

Глава 7. Северный дворец шепчет

Несколько секунд я не двигалась.

В такие секунды время умеет становиться вязким, как остывающий воск. Ты слышишь собственное сердце слишком громко, чувствуешь тяжесть каждой складки плаща, холод металла под пальцами, даже шум метели за витражами — и все это одновременно сжимается в один-единственный вопрос:

что делать сейчас?

За дверью стоял дракон.

Не стража.

Не случайный слуга.

Не Эйлера, с которой можно было играть полутонами.

Он.

И в руках у меня был дневник, который я не должна была получить.

Под плащом — пластина от тайного прохода.

А за спиной — сама ледяная галерея, которая, если он

увидит ее открытой, скажет ему больше, чем любые оправдания.

Я быстро огляделась.

Галерея была слишком узкой. Полукруглая площадка, лестница вниз, дверь наружу, ледяные витражи, в которые билась метель. Ни ширмы, ни шкафа, ни ниши, ни даже приличного сугроба, за которым взрослая женщина с короной могла бы спрятать государственную тайну.

— Я открою дверь, — произнес его голос уже жестче. — И тогда будет хуже.

Надо же. С какой изящной прямотой мужчина умеет называть будущую катастрофу.

Я прижала дневник к груди.

Мысли рванулись в разные стороны. Спрятать под платье? Слишком заметный объем. Отдать галерее? Как именно, интересно? Прикинуться, будто просто гуляю у обрыва? В это и младший повар бы не поверил.

И в этот момент я почувствовала это снова.

Дворец.

Не как метафору. Не как красивое ощущение. Не как внушение усталого сознания.

Как отклик.

Стена у меня за спиной чуть дрогнула. Совсем слабо, словно лед под кожей живого существа. Потом по белой поверхности витражной рамы тонко побежал иней, складываясь в узор — неслучайный, направляющий.

Я обернулась.

Под одним из окон, где прежде была просто гладкая ледяная панель, теперь проступила узкая вертикальная щель.

Тайник.

Я не стала думать, почему.

Не стала спрашивать себя, не схожу ли окончательно с ума.

Когда дворец шепчет, умный человек не спорит — умный человек пользуется случаем.

Я метнулась к панели, коснулась ее свободной рукой.

Лед разошелся без звука.

Внутри — неглубокая полость, как раз под размер книги.

Спасибо, прекрасное чудовище.

Я вложила дневник внутрь. Секунду помедлила — пальцы не хотели отпускать — потом все же убрала руку. Панель закрылась мгновенно, запечатывая тайник так безупречно, будто его никогда не существовало.

Только после этого я выпрямилась и пошла к двери.

Шаги пришлось замедлить специально. Не потому, что сил не было. Потому что королевы не мечутся к дверям, как пойманные воровки, даже если именно это сейчас и происходит.

У самого порога я остановилась на один вдох, подняла подбородок и открыла.

Он вошел сразу.

Без резкости. Без толчка. Без демонстрации силы.

И все равно с тем самым ощущением, будто вместе с ним в пространство входит не человек, а давление. Пламя под слоем металла. Власть, привыкшая проходить сквозь стены, не спрашивая, готовы ли стены.

Темный плащ был припорошен снегом. На плечах таял мелкий иней. Волосы чуть влажные от метели. Лицо жесткое, собранное, слишком внимательное.

Взгляд скользнул по мне, по галерее, по лестнице вниз, по витражам.

Слишком быстро.

Слишком точно.

Он остановился так близко, что я вновь почувствовала знакомый запах дыма и холода.

— Почему ты здесь? — спросил он.

— А ты? — ответила я.

— Не переводи.

— Тогда не спрашивай так, будто сам пришел сюда читать утренние молитвы.

Его взгляд стал уже.

— Это ледяная галерея старого крыла. Здесь не бывает прогулок без причины.

— Как и в западном крыле, если верить твоим вчерашним интонациям. Но ты как-то пережил мое присутствие там.

Он молчал.

Я тоже.

Метель билась в витражи так, будто за ними бушевало море, а не снег.

— Кто тебя сюда вывел? — спросил он наконец.

Вот тут внутри что-то неприятно дрогнуло.

Не из-за самого вопроса.

Из-за точности.

Он не спросил, как я нашла дорогу.

Сразу — кто вывел.

Значит, версия о случайном блуждании не сработает даже

у самого глупого придворного пса.

— Ты переоцениваешь сложность лестниц и дверей, — сказала я.

— Нет. Я хорошо знаю этот дворец.

— Прекрасно. Тогда должен знать и то, что твоя жена способна ходить по нему без проводника.

— Смотря какая жена.

Удар был негромкий.
Но очень точный.

Я встретила его взгляд в упор.

— Продолжай.

Он чуть качнул головой, будто сам был недоволен тем, что сказал.

— Ты была в башне? — спросил он.

— А если была?

— Тогда ты снова нарушила прямой запрет.

— Какая страшная неожиданность. Женщина, которой годами лгали, вдруг перестала подчиняться запретам.

— Ты не понимаешь, чем рискуешь.

— Удобная фраза. Тебе стоит выбить ее на семейном гербе.

Он сделал шаг ко мне.

— Это не шутка.

— А я, по-твоему, смеюсь?

Нет, я не смеялась. И он это понял.

Сейчас между нами уже почти не было привычной словесной игры. Слишком многое сдвинулось после ночи, после памяти, после башни. Разговор больше не был про мужа и жену, обиду и ревность, даже власть и любовницу. Он был про знание. Про доступ к тому, что столько лет запирали не только короной, но и молчанием.

Его взгляд опустилсЯ ниже — к моим рукам.

Пустым.

Нехороший знак.

— Что ты вынесла оттуда? — спросил он очень тихо.

Вот теперь похолодело уже по-настоящему.

Он не сомневался.

Он знал.

— А ты считаешь, что я обязана отчитываться?

— Если это касается башни — да.

— Почему?

— Потому что там хранится не то, с чем можно играть.

— Опять «не то», «не сейчас», «не для тебя», «не спрашивай». У тебя удивительный талант строить из слов клетку.

— А у тебя — влезать в капканы, не дожидаясь, пока тебе хотя бы объяснят, где зубья.

— Кто бы говорил.

Тишина натянулась, как нить перед разрывом.

Он посмотрел на меня долго.

Слишком долго.

Почти так, будто пытался увидеть не лицо, а ложь под ним.

Я держалась спокойно — снаружи.

Внутри же все было иначе.

Потому что в ледяной панели за моей спиной лежал дневник.

Потому что дворец только что помог мне его спрятать.

Потому что если дракон это почувствует, я окажусь в положении куда хуже сегодняшнего.

И в этот момент что-то снова шевельнулось в стенах.

Едва уловимо.

Как шелест ткани.

Как шепот за витражом.

Его глаза метнулись к окну.

Тоже почувствовал.

Интересно.

Очень интересно.

— Ты здесь не одна, — произнес он.

Не вопрос.

Вывод.

Я заставила себя не оборачиваться.

— Если ты о собственном эго, то да, его всегда слишком много.

Он даже не моргнул.

— Я серьезно.

— Какая редкая перемена.

— Кто был в башне?

Я медленно выдохнула.

Сейчас ложь в лоб будет слишком грубой.

Правда — слишком опасной.

Значит, как всегда, остается самое любимое занятие двора: дозировать.

— Там был кто-то, кто знает больше, чем говорит ты, — сказала я.

Мышца у него на щеке дрогнула.

— Мужчина или женщина?

— Ты ревнуешь к информаторам? Это новое.

— Ответь.

— Женщина.

Вот тут он отвел взгляд всего на долю секунды.
Но мне хватило.

Он знает.

Не кто именно — или, наоборот, именно кто.
Но знает.

— Астрид? — спросил он наконец.

Я не ответила.

Иногда молчание — это не отказ. Это нож, который держат у горла собеседника и предлагают ему решить самому, насколько он уверен.

Он понял.

И лицо его стало еще жестче.

— Чертова упрямая...

— Осторожнее, мой король. Ты почти звучишь живым.

— Ты не понимаешь, во что она тебя втягивает.

— А ты, конечно, понимаешь лучше всех.

— Да.

— Тогда объясни.

— Не здесь.

Я рассмеялась.

Коротко.

Горько.

— Разумеется. Никогда не здесь. Никогда не сейчас. Никогда не до конца.

Он резко повернул голову к двери.

Внизу, за лестницей, слышались шаги.

Не одиночные.

Несколько.

Стража.

Прекрасно.

Он мгновенно изменился. Все, что было между нами личного, спорного, человеческого, будто ушло под броню власти. Передо мной снова стоял король, у которого секунды, решения и опасность давно лежат в одной плоскости.

— Ни слова, — сказал он.

— Какая заманчиво бесполезная команда.

Он подошел ближе. Почти вплотную.

— Если они увидят тебя здесь одну, начнутся вопросы, на

которые у тебя пока нет выгодных ответов.

— А у тебя есть?

— Сейчас — да.

Не дожидаясь моего согласия, он снял с плеч свой плащ и накинул мне поверх моего. Темный, тяжелый, пахнувший дымом и снегом.

Я изумленно уставилась на него.

— Ты что...

— Тебя не должны узнать сразу.

— Меня трудно не узнать. На мне корона.

Он поднял руку, и на миг между его пальцами вспыхнуло тусклое золотистое пламя. Не огонь — скорее жаркий отблеск. Коснулся им края моей вуали.

Сетка потемнела, стала плотнее, глубже, почти полностью скрыв лицо в тени капюшона.

Я замерла.

— Магия маскировки? — спросила тихо.

— На пару минут. Не больше.

— Как трогательно. Тайно водить жену по запретным галереям у тебя, значит, можно?

— Не начинай.

Шаги становились ближе.

Он повернулся к двери ровно в тот миг, когда на лестнице показались двое стражников и старший охраны северного крыла — высокий, седой, с лицом человека, который давно понял: главное при дворе — уметь не видеть лишнего.

Они остановились, увидев нас.

Точнее — его.

Потому что меня под темным плащом и затененной вуалью они сначала, кажется, приняли за обычную придворную даму или, что куда вероятнее, за женщину, присутствие которой при короле замечать не стоит.

Какая ирония.

— Ваше величество, — седой склонил голову. — Внешняя печать на северном мосту отозвалась. Мы проверяли возможный проход.

— Уже не нужно, — сказал дракон спокойно. — Ложный отклик.

Седой поднял взгляд — чуть-чуть, не прямо.

— Прикажете усилить охрану старых уровней?

— Нет.

Вот тут старший охраны замялся.
На долю секунды.

— Но если в башне...

— Я сказал — нет.

Тон был ровный.

Без крика.

Без угрозы.

Но после него даже метель, кажется, должна была скло-

нять голову.

— Как прикажете, ваше величество.

Стражники отступили.

Седой сделал еще один короткий поклон и добавил:

— Ее величество чувствует себя лучше после ночного приступа?

Ах вот как.

Значит, уже пошли слухи.

Быстро.

Я стояла молча.

Под чужим плащом.

Почти скрытая.

И внезапно остро ощутила унижительность момента.

Не потому, что меня не узнали.

А потому, что меня опять убрали из видимого поля, как удобную тень.

Дракон ответил раньше, чем я успела открыть рот:

— Королева отдыхает.

Лед в витражах тонко звякнул.

Внутри меня тоже что-то звякнуло — куда неприятнее.

Отдыхает.

Конечно.

Пока муж разбирается с тайными ходами, башнями и женщинами в тени.

Седой удалился вместе со стражей.

Шаги стихли.

И только тогда я медленно сняла с себя его плащ и протянула обратно.

— Благодарю, — сказала очень ровно. — Это было... полезно.

Он не взял плащ сразу.

Смотрел на меня так, будто понимал: произошло нечто куда хуже случайного столкновения со стражей.

— Ты злишься не на это, — произнес он.

— Правда? Какая проницательность.

— Тогда скажи на что.

— На то, что даже сейчас, когда я стою здесь после твоих запретов, твоих тайн и твоего молчания, ты первым делом снова прячешь меня.

Не защищаешь. Не признаешь. Прячешь.

Он взял плащ.

Медленно.

— Я не мог сейчас объяснять охране, почему королева одна вышла из ледяной галереи старого крыла.

— Нет, конечно. Куда проще оставить меня «отдыхать» в покоех.

— Это было быстрее.

— Удобнее, — поправила я.

Он промолчал.

И этого хватило.

Я отступила на шаг.

— Знаешь, что самое мерзкое? — спросила тихо. — Я почти начала верить, что ты действительно пытаешься удерживать меня от чего-то опасного. А потом ты снова сделал ровно то, что делал всегда. Распорядился моей видимостью.

— Я спасал ситуацию.

— Нет. Ты контролировал ее. Как умеешь лучше всего.

Он сжал плащ в руке сильнее.

Я вдруг увидела, что и ему нелегко держать это спокойствие. Под ним копится жар, злость, может, даже что-то похожее на вину. Но сейчас мне было все равно. Слишком жгучим было собственное ощущение: я только что нашла первое настоящее доказательство, и мир сразу же попытался снова надеть на меня чужую роль.

Тень.

Пациентка.

Жена, которая отдыхает.

Нет.

Больше нет.

Я развернулась, собираясь идти вниз по лестнице.

И именно тогда дворец заговорил.

Не в голове.

Не шепотом призрака.

А вокруг.

По витражам побежали белые линии инея — быстрые, живые, словно кто-то писал прямо на стекле холодным пальцем. Под ногами глухо отозвались плиты. Где-то в глубине стен зазвенел лед — тонко, как далекие колокольчики.

Я замерла.

Он тоже.

На бело-синем стекле проступил узор.

Сначала хаотичный.

Потом четкий.

Стрелка.

Тонкая ледяная стрелка, указывающая не на лестницу

вниз, а на боковую часть галереи, где прежде была просто гладкая стена.

Я медленно повернула голову.

— Ты это видишь? — спросила я.

Голос мой стал тише сам собой.

— Да, — ответил он.

Не насмешка.

Не сомнение.

Прямое, тяжелое «да».

Значит, не галлюцинация.

Значит, дворец шепчет не только мне.

Стрелка побелела сильнее.

Потом стена у боковой арки тихо треснула, и в ней обозначился контур узкой двери, которой секунду назад не было.

Мы оба смотрели на нее молча.

— Это невозможно, — сказал он первым.

— Забавно слышать слово «невозможно» от дракона в замке, который рисует двери.

Он не ответил.

Потому что сам был потрясен.

Я это видела.

Не страхом — редким, почти детским неверием человека, который знал дворец всю жизнь и вдруг понял, что знает далеко не все.

Дверь приоткрылась.

Изнутри пахнуло старым холодом и чем-то еще — сухими страницами, камнем, ветром из глубины.

— Похоже, твой север решил, что у нас другой маршрут,
— сказала я.

Он посмотрел на меня резко.

— Не входи первой.

— Почему? Вдруг я снова нарушу удобный порядок ве-

щей?

— Потому что я сказал.

— Аргумент века.

Я шагнула к двери прежде, чем он успел поймать меня за руку.

И в этот раз он не стал.

Может быть, понял: удерживать меня физически — плохая стратегия.

Может быть, сам хотел увидеть, куда приведет то, чего не понимает.

А может, просто устал выбирать силой там, где уже один раз выбрал слишком дорого.

За дверью оказался короткий коридор.

Узкий, ледяной, круглый в сечении, будто нас пропускали сквозь внутреннюю вену самого дворца. Свет шел от стен, прозрачных и мутных одновременно. Где-то глубоко внутри льда двигались темные тени — не фигуры, а словно застывшие куски старой памяти.

Мы вошли оба.

За спиной дверь закрылась без звука.

— Великолепно, — сказала я. — Теперь если нас захотят убить, это хотя бы будет эстетично.

— Ты не умеешь бояться вовремя, — отозвался он.

— А ты умеешь жить вовремя?

Он посмотрел на меня искоса.

Ничего не сказал.

Коридор вывел в небольшую круглую залу, скрытую в толще стены между галереей и внешним обрывом. Здесь было темнее. В центре стоял каменный постамент, на котором лежало что-то завернутое в старую белую ткань. Вокруг — резные ледяные панели, исписанные древними рунами. И тишина такая густая, будто сюда не заходили не годы — столетия.

Я подошла ближе.

Ткань была покрыта пылью инея.

Старая, хрупкая.

— Не трогай, — сказал он.

Я повернулась к нему.

— Конечно. Ведь если я трону, правда снова окажется слишком близко.

— Я не шучу.

— А я, думаешь, развлекаюсь?

Но руку все равно протянула.

И в тот же миг ледяные панели вокруг нас вспыхнули белым светом.

Руны зажглись одна за другой, как ожившие жилы. Воздух дрогнул. В центре залы поднялся холодный вихрь, закручивая ткань, волосы, подол платья. Меня качнуло вперед, и если бы не рефлекс, я бы упала на постамент.

Он перехватил меня за локоть.

Жар его руки ударил в ледяной вихрь, и на секунду вокруг нас столкнулись две стихии — моя и его, белая и темно-золотая. Свет рванул ввысь, почти ослепляя.

А потом все стихло.

Ткань с пьестала сползла на пол.

Под ней лежал портрет.

Старинный.

Небольшой.

В серебряной раме.

Женщина в короне льда.

Мужчина с темными глазами.

И между ними — ребенок.

Я смотрела на изображение, не дыша.

Не символический младенец.

Не аллегория рода.

Настоящий ребенок.

Девочка лет трех, светловолосая, с тем же холодным лицом, которое потом станет моим.

В горле пересохло.

— Что... это? — спросила я.

Но уже знала.

И по его лицу видела: он тоже знает.

Он отпустил мой локоть так медленно, будто пальцы не хотели разжиматься.

— Этого не должно было здесь быть, — произнес он хрипло.

— Это ваш ребенок? — спросила я.

Молчание.

Потом он закрыл глаза на секунду.

И открыл уже совершенно другим человеком.

Не королем.

Не мужчиной, который привык контролировать.

Тем, кто слишком долго носил в себе одну и ту же боль.

— Да, — сказал он.

Ледяные стены вокруг нас тихо зазвенели.

Словно сам дворец выдохнул признание вместе с ним.

Я перевела взгляд с портрета на него.
Потом обратно.

В памяти ночного видения вдруг вспыхнуло:
детский плач, оборванный пустотой.

И меня пронзило пониманием.

Не просто потеря.

Не просто трагедия.

Ребенок, о котором мне никто не сказал.

Ребенок, которого будто вырезали из самой истории.

Я подняла глаза на дракона.

— Почему я об этом не знала?

Он смотрел на портрет так, будто если моргнет, тот снова исчезнет.

— Потому что после этого все и началось, — сказал он тихо.

И в этот момент я поняла: северный дворец больше не просто шепчет.

Он ведет меня за руку туда, где ложь уже не удержать никакой короной.

Глава 8. Я не отдам им себя

Несколько секунд я не могла отвести взгляд от портрета.

Девочка на нем была слишком живой.

Не безликий символ рода, не условный ребенок, которого художник вписывает в композицию ради красивого баланса. Настоящая. С чуть упрямо поднятым подбородком, с белыми, почти серебряными волосами, с серьезными глазами, в которых уже угадывалась взрослая северная сдержанность. Маленькая ладонь лежала на руке матери — моей предшественницы. Вторая тянулась к темному вороту дракона, будто для нее он был не королем и не угрозой, а просто человеком, к которому можно дотронуться без страха.

Так не рисуют то, чего не существовало.

Так не хранят придуманных детей в тайных комнатах.

Я медленно коснулась края рамы.

Пальцы дрогнули.

Не от холода.

От ярости.

Потому что вместе с болью пришло другое чувство — унижительное, горькое: все это время мне показывали лишь удобную часть истории. Брошенная жена. Больная королева. Нестабильная магия. Любовница во дворце. Политика, долг, север, печати.

Но никто не сказал о ребенке.

О девочке, исчезновение которой, похоже, и стало тем ножом, после которого эта семья перестала быть семьей, а дворец научился хранить молчание лучше живых.

Я подняла глаза на дракона.

— Как ее звали?

Он не ответил сразу.

Стоял напротив, высокий, неподвижный, с лицом человека, которого застали не за ложью даже — за могилой, которую он сам же и замуровал внутри себя много лет назад. В его взгляде больше не было привычной холодной власти. Только усталость. И осторожность. Будто любое слово сейчас способно разорвать не разговор, а старый шов, под которым до сих пор кровит.

— Лиора, — сказал он наконец.

Имя ударило мягче, чем правда, и от этого только больнее.

Лиора.

Я повторила его мысленно.

И почти сразу где-то глубоко в теле отозвалось странное, не мое знание. Как если бы это имя уже жило в памяти костей, просто слишком долго было завалено льдом.

— Сколько ей было? — спросила я тихо.

— Три зимы.

Три.

У меня сжалось горло.

На портрете девочка действительно выглядела совсем маленькой. Но не младенцем. Уже умеющей смотреть, тянуться, запоминать лица. Уже достаточно живой, чтобы остаться в матери не как символ потери, а как каждодневная привычка сердца.

— Она умерла?

Он перевел взгляд с портрета на меня.

И я поняла ответ раньше слов.

— Мы не нашли тела, — произнес он.

Это было хуже.

Гораздо хуже любой подтвержденной смерти.

Потому что смерть хотя бы дает финал. Грязный, страшный, ненавистный — но финал. А отсутствие тела оставляет только яму, в которую годами проваливаются надежда, вина, подозрение, безумие.

Я медленно выпрямилась.

— И после этого вы запечатали сердце ее матери?

Он резко вскинул голову.

— Нет.

— Не лги мне.

— Я не лгу.

— Тогда выбирай слова лучше, потому что пока у меня выходит только одна картина: у вас пропал ребенок, мать сломалась, а вы решили, что проще превратить ее в удобную оболочку, чем выдержать рядом живую женщину с горем и памятью.

С каждым словом мой голос становился тверже. Не громче — холоднее. В этой комнате не хотелось кричать. Здесь ложь и так звучала слишком ясно.

Он сжал челюсть.

— Ты видишь только конец, — сказал он. — А я был там с самого начала.

— Отлично. Тогда расскажи начало.

— Не здесь.

Я даже не рассмеялась. Смотрела на него молча, пока между нами не стало совсем тесно от этого вечного бегства в недосказанность.

— Знаешь, — произнесла я наконец, — если бы за каждое твое «не здесь» мне давали по одному честному ответу, я бы уже правила этим дворцом без посторонней помощи.

Он провел рукой по лицу — быстрым, усталым движением, почти человеческим, почти лишенным королевской брони.

— После исчезновения Лиоры все изменилось, — сказал он, словно отрезая себе путь назад. — Не за одну ночь. Не одним ударом. Сначала были поиски. Потом — подозрения. Потом твоя... ее магия начала срываться. Она перестала спать. Начала слышать голоса. Видеть то, чего не было. Искать следы там, где уже давно был только снег.

— Или там, где кто-то очень старательно убрал все следы.

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Я тоже думал об этом.

Вот тут я замерла.

Не из-за самого признания.

Из-за слова **тоже**.

Значит, он не принимал исчезновение дочери как несчастный случай. Значит, в какой-то момент подозревал чужую руку. И если так — почему же все закончилось печалью на сердце жены, а не головами виновных на стене?

— И что? — спросила я. — Нашел хоть что-то?

Он отвел взгляд.

— Нет.

— Или тебе не дали искать дальше?

Его молчание было слишком долгим.

Я кивнула.

— Вот именно.

Внутри ледяной комнаты стало еще тише. Только стены едва слышно звенели, будто откликаясь на напряжение между нами.

Я снова посмотрела на портрет.

На женщину, чье лицо теперь носила. На ребенка, кото-

рого она потеряла. На мужчину, который все еще стоял рядом — и уже тогда, на картине, не казался человеком, умеющим быть просто счастливым. Слишком собранный. Слишком настороженный даже в семейной сцене. Будто и тогда под кожей уже жил долг, который однажды съест все живое.

— Почему его спрятали здесь? — спросила я.

— Я не знал, что он здесь.

— Не верю.

— Мне все равно.

Вот это прозвучало неожиданно резко. Настолько, что я снова перевела взгляд на него.

Он стоял неподвижно, но что-то в лице, в линии рта, в напряжении шеи стало жестче. Не обороной — болью, которая устала быть аккуратной.

— Я не знал, — повторил он глухо. — Этот портрет считался уничтоженным.

Уничтоженным.

Конечно.

Если уж вырезать из истории ребенка, то до конца.

— Кем? — спросила я.

Он помолчал.

— Не знаю.

— Удобно.

— Ты думаешь, я не задавал этот вопрос?

— Думаю, ты задавал слишком мало вопросов тем, кому действительно стоило.

Он шагнул ближе.

— А ты думаешь, я не пытался?

— Я думаю, ты в какой-то момент перестал.

Это попало.

Я увидела по его глазам. Не ярость. Не желание оборвать

меня приказом. Куда хуже — узнавание. Как будто хотя бы часть сказанного была правдой, от которой он сам давно бежал.

Он опустил взгляд на портрет.

— Я искал виновного, — сказал тихо. — А она искала дочь.

Это разные виды безумия.

И оба нас утопили.

Слова повисли в воздухе.

И в них наконец было что-то настоящее. Не оправдание. Не приказ. Не ледяная формула про север.

Грязная, горькая правда двух людей, которые пережили одно и то же событие по-разному и в итоге потеряли не только ребенка, но и друг друга.

Я медленно выдохнула.

Жалость была бы сейчас ошибкой.

Гнев — слишком простым.

А простого в этой истории, похоже, не существовало вообще.

Я наклонилась, подняла портрет с пьедестала.

Рама была тяжелее, чем казалась. Серебро обжигало холодом. На задней стороне — тонкая гравировка, почти стертая временем.

Я повернула картину ближе к свету.

И увидела надпись.

Для северной весны, которой нам не дали.

У меня внутри все оборвалось.

Потому что это уже не официальный портрет. Не политическая вещь. Это подарок. Личный. Домашний. Сделанный в то время, когда у них еще была хотя бы иллюзия будущего.

Я подняла взгляд на дракона.

Он тоже прочитал.

И на миг мне показалось, что сейчас он отвернется, снова наденет на лицо привычный лед и скажет что-нибудь удобное вроде «отдай». Или «оставь». Или «не сейчас».

Но он только закрыл глаза на секунду.

— Забери его, — сказал тихо.

Я моргнула.

— Что?

— Забери.

Если он появился перед тобой, значит, больше не мой.

Странная фраза.

Очень мужская.

Очень раненая.

Я прижала портрет к себе чуть крепче.

— Почему ты так уверен, что дворец вообще что-то выбирает?

Он усмехнулся без веселья.

— Потому что он уже не первый раз делает это не в мою пользу.

И вот тут я поняла кое-что еще.

Его пугает не только моя память.
И не только башня.

Его пугает, что сам дворец больше не слушается его так,
как прежде.

Не в бытовом смысле, конечно. Стража, власть, печати —
все это по-прежнему при нем. Но что-то древнее, внутрен-
нее, лежащее под камнем и льдом, похоже, начало смещать-
ся.

От него — ко мне.

Хорошо.

Очень хорошо.

Я обвела взглядом круглую комнату.

— Мне нужно знать все, что было после исчезновения Ли-
оры.

— Сейчас — нет.

— Тогда я уйду и узнаю без тебя.

— Узнаешь не все.

— А с тобой — вообще ничего.

Он шагнул еще ближе.

— Ты не понимаешь, насколько многие были заинтересованы в том, чтобы твоя... ее боль выглядела просто безумием.

— Тогда это уже не семейная трагедия, а заговор.

— Да.

Одно короткое слово.

И целая пропасть под ним.

Я даже не сразу осознала, что он это сказал.

Так просто.

Так без защиты.

Как признание, которое уже нельзя отыграть назад.

— Кто? — спросила я.

— Я пока не знаю всех.

— Но кого-то — знаешь.

Молчание.

Значит, да.

Я стиснула зубы.

— Эйлера?

Он посмотрел на меня долго.

— Она появилась позже.

— Позже чего?

— Позже первого удара.

Холод пошел по спине медленно, как ледяная вода.

Значит, Эйлера — не начало.

Не главная причина.

Не та женщина, из-за которой все рухнуло.

Она вошла в уже треснувший дом.

В дом, где когда-то убрали ребенка, потом запечатали сердце матери, а потом кто-то очень терпеливо и умно про-

должил разрушение изнутри.

Тем хуже для нее.

И для меня — тоже.

Потому что враг оказался больше, старше и хитрее, чем просто красивая любовница.

Я провела большим пальцем по краю рамы.

И вдруг ощутила очень ясное спокойствие.

Не облегчение.

Не победу.

Но стержень.

Портрет в руках был не просто уликой.

Он был доказательством, что прошлое не уничтожено до конца.

Что у прежней королевы была не только боль, но и жизнь.

Что она не родилась пустой оболочкой для трона.

И главное — что ее пытались стереть целенаправленно.

А значит, все, что происходит со мной сейчас, тоже не случайно.

Я медленно выпрямилась.

— Послушай меня, — сказала я.

Он ждал.

— Я не стану больше жить так, как жила она.

Не стану покорно падать в обмороки, пока вокруг меня переписывают историю.

Не стану быть удобной больной королевой, которую можно спрятать за словом «север».

И я не позволю никому — ни тебе, ни Эйлеру, ни тем, кого вы до сих пор покрываете молчанием, — решать, что мне можно помнить, а что нет.

Каждое слово ложилось в камень.

В лед.

В стены.

И мне казалось, они слушают.

Он смотрел молча.

Очень внимательно.

Без насмешки.

Без перебивания.

— Я верну себе ее имя, — продолжила я. — И свое место. Но не как твоя тень. Не как жертва. И не как женщина,

которая просит любви в обмен на покорность.

Если рядом со мной будет правда — хорошо.

Если нет — я пойду к ней одна.

Тишина после этого стала почти торжественной.

Ледяные панели по стенам едва слышно звякнули, будто одобряя.

Или запоминая.

Он опустил взгляд.

Потом снова посмотрел на меня.

— Ты действительно уже не она, — сказал тихо.

— Нет, — ответила я. — Я — это все, что от нее осталось и чего вы не смогли добить.

Он резко вдохнул, будто эти слова ударили сильнее, чем я ожидала.

И, возможно, так и было.

Но мне было все равно.

Слишком долго здесь все жалели его выбор, его боль, его север.

Настало время, чтобы хоть кто-то пожалел женщину, из которой этот север сделал оружие и могилу одновременно.

Я повернулась к выходу.

— Куда ты? — спросил он.

— Туда, где меня снова попытаются не заметить.

Разница лишь в том, что теперь это будет намного труднее.

— Ты не можешь просто выйти с этим портретом.

Я подняла его чуть выше.

— Могу. Но не стану. Пока.

— Тогда что ты собираешься делать?

Я посмотрела на него через плечо.

— То, что тебе стоило сделать давно: начать думать не как король, который тушит скандалы, а как отец, у которого украли ребенка и затем переписали память о нем.

На этот раз он даже не попытался скрыть, как это попало.

Хорошо.

Пусть носит это с собой.

Пусть хотя бы теперь перестанет прятаться за власть там, где нужна человеческая ярость.

Я подошла к стене, через которую нас сюда впустил дворец.

Провела ладонью по ледяной поверхности.

Сначала ничего.

Потом по стеклянно-белой глубине пробежал тонкий иней, складываясь в знакомую северную лилию.

Стена дрогнула и открылась.

Я обернулась.

— Не пытайся идти за мной по следу, — сказала я.

— Почему ты решила, что я позволю тебе уйти одной?

— Потому что в этом дворце впервые за долгое время что-то решает не ты.

Он молчал.

И самое удивительное — не спорил.

Я шагнула в проход, потом остановилась еще на секунду.

— Лиора, — произнесла я, не глядя на него. — Я запомню это имя.

Даже если весь ваш север делал вид, что его никогда не было.

И ушла.

Проход за стеной оказался уже, чем раньше, и темнее. Но теперь я почти не чувствовала страха. Только сосредоточенность и ту странную силу, которая приходит не от магии, а от решения.

Дневник был спрятан в тайнике ледяной галереи.

Портрет — у меня в руках.

В голове — имя ребенка, о котором никто не говорил.

В сердце — не нежность, не месть даже, а холодная ясность: меня пытались уничтожить не сразу, а слоями. Через горе. Через печаль. Через ложь. Через стирание.

Больше я этого не позволю.

Проход вывел меня в другую часть старого крыла — маленькую пустую комнату с узким окном и обледеневшей дверью наружу. Когда я вышла оттуда в обычный дворцовый коридор, мир сразу стал шумнее, мельче, более человеческим: шаги служанок, звук посуды издалека, чей-то смех за углом, скрип двери.

Все это было почти смешно после ледяной комнаты с портретом мертвого — или пропавшего — ребенка.

Я шла медленно, не привлекая лишнего внимания. Портрет спрятала под плащ, прижав к боку. Несколько слуг поклонились, не поднимая глаз. Один младший писарь так торопливо прижался к стене, что едва не уронил стопку бумаг.

Пусть.

Пусть все продолжают считать, что королева просто вернулась к обычной дворцовой тени.

Тем легче будет нанести удар там, где они не ждут.

У дверей моих покоев дежурил тот самый лекарь.

Увидев меня, он заметно побледнел.

— Ваше величество... вы не должны были...

— Жить? — подсказала я. — С этим, кажется, у всех слишком много ожиданий.

Он осекся.

Я прошла мимо, открыла дверь и только уже внутри позволила себе на секунду привалиться к стене.

Слабость вернулась резко.

Почти обвалом.

Черт.

Тело действительно было не готово к таким марш-броскам по тайным галереям, ледяным башням и семейным склепам в стенах.

Но даже в этой слабости я ощущала победу.

Не внешнюю.

Внешне пока у меня было мало: один дневник, один портрет, одно имя и слишком много вопросов.

Но внутри что-то встало на место.

Я больше не была потерянной женщиной в чужом теле.

Теперь у меня была ось.

Я подошла к столу, осторожно положила портрет на белую ткань и посмотрела на него еще раз.

Лиора.

Снежная королева.

Дракон.

Семья, которой не дали случиться.

— Я не отдам им себя, — сказала я тихо.

Не портрету.

Не призраку прежней хозяйки.

Себе самой.

Не отдам им разум, как отдали когда-то ее.

Не отдам им память.

Не отдам им право называть меня слабостью, которой можно управлять.

Не отдам им имя женщины, которую они пытались переписать.

В комнате стало тихо.

Очень тихо.

А потом зеркало у камина покрылось тонким инеем.

Я подошла ближе.

Белые линии сложились в короткую фразу:

Начни со слуг.

Я замерла.

Прочла еще раз.

Иней медленно таял, оставляя после себя прозрачное стекло.

Начни со слуг.

Логично.

Почти обидно логично.

Кто знает дворец лучше всех?

Кто видит, кто куда входит, что уносят, какие вещи исчезают из комнат, какие слухи запускаются первыми, кто получает приказы не письменно, а шепотом?

Не короли.

Не любовницы.

Слуги.

Я усмехнулась.

— Хорошо, — сказала я отражению. — Начнем со слуг.

И в этот момент в дверь постучали.

Не робко.

Не по-лакеевски.

Уверенно.

Я насторожилась.

— Войдите.

На пороге появилась Морвейн.

Как всегда идеально собранная.

Но на этот раз в ее руках не было ни бумаг, ни футляра,
ни лекарств.

Только тонкий серебряный поднос.

А на нем — ключ.

Старинный.

Черный.

С головкой в форме драконьего крыла.

— Ваше величество, — произнесла она, глядя на меня слишком внимательно. — Это нашли сегодня утром среди вещей, которые должны были быть уничтожены много лет назад.

Думаю, вам стоит знать, от чего именно этот ключ.

Глава 9. Слуги выбирают сторону

Я смотрела на ключ и не брала его сразу.

Не из осторожности даже. Скорее потому, что в этом дворце любая вещь, неожиданно всплывающая «среди того, что должны были уничтожить», почти никогда не бывает просто вещью. Здесь даже молчание имеет владельца, не то что старый ключ.

Поднос в руках Морвейн не дрожал. Ее лицо тоже было спокойно. Но я уже начала различать оттенки в этой ледяной безупречности. Сейчас она не просто исполняла обязанность. Она наблюдала.

За мной.

За тем, как яотреагирую.

За тем, пойму ли я, что мне не просто подали железку, а сделали ход.

Я медленно подошла.

Ключ был тяжелый, темный, не от ржавчины — от какого-то старого металла с синеватым отливом. На головке действительно угадывалось крыло дракона, а вдоль стержня шли

тонкие насечки, похожие на руны.

Я взяла его двумя пальцами.

Металл оказался холодным до онемения.

— И от чего же он? — спросила я.

Морвейн опустила взгляд на ключ.

— От старого хранилища в северной хозяйственной части. Когда-то там держали личные вещи королевской семьи, которые не должны были попадать в общий архив.

— Когда-то?

— До пожара в нижних кладовых.
Официально содержимое утрачено.

Официально.

Хорошее слово. Удобное. Почти как «ради севера», только для вещей.

— А неофициально?

— Неофициально часть предметов иногда всплывает там, где ей быть не должно.

Я подняла глаза на Морвейн.

— И этот ключ всплыл именно сегодня?

— Да.

— Какая поразительная удача.

— Во дворце редко случается удача без причины, ваше величество.

Вот оно.

Я покрутила ключ в пальцах.

— Кто нашел?

— Молодая прачка в старом бельеовом коридоре. Она принесла находку старшей по кладовым. Та — мне.

— Имя прачки?

— Мира.

— Приведи ее.

На этот раз Морвейн позволила себе секундную паузу.

— Сейчас?

— Нет, через две зимы, когда мы все окончательно забудем, о чем говорим. Конечно, сейчас.

Она чуть склонила голову.

— Как прикажете.

Когда Морвейн вышла, я положила ключ на стол рядом с портретом.

Черный металл и серебряная рама смотрелись почти символично: драконье крыло и северная весна, которой не дали случиться.

Я села в кресло и позволила себе на секунду закрыть глаза.

Начни со слуг.

Что ж.

Похоже, сам дворец был полностью согласен с этой мыслью.

И дело даже не в том, что слуги знают все. Это слишком общая фраза, слишком простая. Нет — слуги чувствуют, куда поворачивается ветер. Они годами живут в чужих настроениях, в чужих скандалах, в чужих падениях. Они замечают не только кто с кем спит и кто какие приказы отдает. Они замечают, кого перестают бояться, а кого начинают.

До сих пор меня, вероятно, жалели. Или презирали. Или обходили как больную. Но не считали силой.

Теперь у меня появился шанс это изменить.

В дверь постучали снова.

— Войдите.

Сначала вошла Морвейн. За ней — девушка лет семнадцати, худенькая, в простом темном платье с белым передником, с покрасневшими руками и лицом человека, которого вот-вот либо наградят, либо казнят, и он не уверен, что страшнее.

Она замерла у порога, уставившись куда-то в район моего

плеча.

— Подойди, — сказала я.

Девушка сделала несколько шагов и присела так низко, что едва не качнулась вперед.

— Мира, ваше величество.

Голос у нее был тонкий, но не слабый. Просто испуганный.

— Ты нашла этот ключ?

— Да, ваше величество.

— Где именно?

Она нервно сглотнула.

— В бельевом коридоре под северной лестницей. Там старые шкафы, куда почти не ходят... я несла простыни после прачечной, зацепила корзиной выступ, и доска в стене отошла. А внутри... внутри был ключ.

Тайник в стене.

Еще один.
Интересно.

— Ты часто работаешь в том коридоре?

— Нет, ваше величество. Обычно там ставят старших. Меня отправили сегодня вместо Лиссы, у нее сын заболел.

— Кто отправил?

Мира моргнула.

— Старшая прачка, госпожа Нерет.

— Хорошо. Когда ты нашла ключ, в коридоре кто-нибудь был?

Она задумалась.

Не играла — вспоминала по-настоящему.

— Я... слышала шаги наверху. Но никого не видела. Только потом, когда уже побежала к госпоже Нерет, навстречу мне попался один из людей леди Эйлеры.

Я не изменилась в лице.

Но внутри все мгновенно стало четче.

— Какой именно?

— Высокий такой... с седой прядью у виска. Он... он еще спросил, почему я бегу.

— И что ты ответила?

— Что старшая зовет.

— А о ключе не сказала.

— Нет, ваше величество! — Она побледнела сильнее. — Я не знала, можно ли...

— Правильно сделала.

Мира явно не ожидала похвалы. Подняла на меня глаза — быстро, почти виновато, — и снова опустила.

Интересно.

Похоже, от меня в прежней версии чаще ждали либо холода, либо болезненной рассеянности. Не нормального разговора.

— Ты умная девочка, Мира, — сказала я. — И раз уж сегодня нам обеим повезло, запомни простую вещь: если в старых коридорах тебе снова попадется что-то, что там быть не должно, ты сначала несешь это не своей старшей, а мне. Поняла?

— Да, ваше величество.

— Никому не рассказываешь о сегодняшнем разговоре. Даже если спросят не прямо.

— Да, ваше величество.

— Особенно если спросит кто-то из западного крыла.

На этот раз она вскинула голову быстрее.

— Я поняла.

Хорошо.

Очень хорошо.

Девочка не глупа и уже напугана достаточно, чтобы быть осторожной, но не настолько, чтобы перестать соображать.

— Иди, — сказала я.

Она поклонилась так резко, будто это слово стало для нее спасением, и вышла. Морвейн осталась.

Я смотрела на дверь еще секунду после того, как Мира скрылась, потом повернулась к управляющей.

— Высокий с седой прядью у виска. Кто это?

— Ранвик, — ответила Морвейн без промедления. — Один из доверенных слуг леди Эйлеры. Формально — смотритель ее покоев и личных вещей. Неофициально — человек, который слишком часто оказывается рядом там, где должен был бы работать кто-то другой.

— Давно он у нее?

— Четвертый месяц.

— И ты до сих пор не сочла нужным вынести мне это имя?

— До сегодняшнего утра вы не спрашивали о нем так, будто собираетесь использовать ответ.

Честно.

Почти грубо.

И, что хуже всего, справедливо.

Я встала и подошла к окну. За стеклом мело сильнее, чем утром. Снежная пыль вилась между башнями, стирая границы мостов и стен. Дворец будто сам прятал свои ходы, свои тайники, своих свидетелей.

— Значит, этот Ранвик был рядом с коридором именно тогда, когда прачка нашла ключ, — сказала я. — И это либо совпадение, либо кто-то хотел, чтобы ключ нашли, но не он сам.

— Да.

— Кто еще знает об этом ключе?

— Старшая прачка. Я. Вы.

— Теперь уже да. А до этого?

— Не могу сказать.

Я повернулась к ней.

— Тогда скажешь другое. Эта госпожа Нерет — верна кому?

Морвейн чуть приподняла подбородок.

— Себе.

Но достаточно умна, чтобы не ставить на проигравших.

— И кем она считает меня сейчас?

На этот раз пауза была длиннее.

Слишком длиннее для пустяка.

— Раньше — опасной обязанностью, — ответила Морвейн.

— А теперь?

— Теперь — переменной.

Я усмехнулась.

— Как романтично.

— При дворе это почти комплимент.

Вполне возможно.

Я вернулась к столу, взяла ключ и снова провела большим пальцем по насечкам.

— Где это хранилище?

— В северной хозяйственной части, как я уже сказала.

— Не общими словами, Морвейн.

— Ниже старых кухонь, за кладовыми для зимнего серебра. Туда давно не ходят без прямого приказа.

— Значит, пойдем.

Она не шелохнулась.

— Ваше величество, — сказала ровно, — туда нельзя идти прямо сейчас.

— И кто же мне запретит? Ты? Король? Очередной заботливый лекарь?

— Те, кто подбросил ключ, если их расчет именно в этом.

Я посмотрела на нее внимательнее.

Очень хорошо.

Значит, она тоже видит это.

— Продолжай.

— Если ключ нашли именно сегодня, после всего, что произошло в башне и вокруг вас, значит, кто-то либо торопится, либо проверяет, пойдете ли вы по следу сразу.

И если вы пойдете — вас будут ждать.

Логично.

Раздражающе логично.

Я не люблю, когда хорошие доводы мешают красивым безрассудствам.

— Что ты предлагаешь?

— Не идти самой.

— А кого послать? Кого-то из людей короля? Из охраны? Чтобы к вечеру об этом знало полдворца?

— Нет.

Из слуг.

Я замерла.

Потом медленно кивнула.

— Вот теперь ты мне нравишься больше.

Уголок ее рта дрогнул. Не улыбка. Но уже что-то близкое к признанию, что разговор перестал быть формальностью.

— У вас есть кто-то, кому вы доверяете среди домашних слуг? — спросила она.

— Нет. Но я собираюсь это исправить.

— Тогда начните с тех, кого еще не купили окончательно.

— И кто это?

Морвейн перечислила без запинки:

— Старший истопник Торвальд.

Ключница Эдит.

Младший архивариус Симен.

Та же прачка Мира — если правильно испугать и правильно-но защитить.

И повариха с нижней кухни, госпожа Вела. Ее считают болтливой, а она просто умеет слушать.

Я запоминала.

Не имена даже — структуру.

Точки.

Людей, через которых течет невидимая кровь дворца.

— Собери их, — сказала я.

— Всех сразу?

— Нет. По одному. В разное время. Без лишней суеты.
Я хочу посмотреть им в глаза.

— Это вызовет слухи.

— Отлично. Но не те, которых ждут.

Пусть говорят, что королева вдруг заинтересовалась прачечными, кладовыми и кухнями. Чем нелепее это будет выглядеть для знати, тем меньше они заметят реальный смысл.

Морвейн кивнула.

— Начнем с кого?

Я посмотрела на ключ.

Потом на портрет.

Потом на зеркальную гладь у камина, где еще совсем

недавно проступили слова **Начни со слуг.**

— С ключницы, — сказала я. — Люди, которые хранят и выдают доступ, знают о дворце больше всех.

Потом — Торвальд. Истопники слышат то, что стража не должна слышать.

Потом — Вела.

А Миру оставим на потом. Пусть успокоится и привыкнет к мысли, что мне можно приносить опасные находки.

— Хорошо.

Она уже собиралась уходить, когда я остановила ее:

— Подожди.

Морвейн обернулась.

— Почему ты принесла ключ мне сразу?

Вопрос повис между нами.

Простой.

Неприятный.

Нужный.

Она не отвела взгляда.

— Потому что если бы я передала его сначала королю, он бы начал действовать сверху.

А вам сейчас полезнее действовать снизу.

Я медленно улыбнулась.

— Вот теперь, леди Морвейн, ты перестаешь быть просто управляющей.

— Это опасная мысль, ваше величество.

— Не опаснее большинства моих последних утр.

Она вышла.

Я осталась одна — ненадолго. Но этих нескольких минут хватило, чтобы снова привести мысли в порядок.

Итак.

У меня был дневник, спрятанный в ледяной галерее.

Портрет.

Имя Лиора.

Ключ от хранилища, официально погибшего в пожаре.

Человек из окружения Эйлеры, слишком вовремя оказав-

шийся рядом.

И впервые — возможность строить не только вертикально, через короля и его запреты, а горизонтально. Через тех, кто всегда здесь жил, видел, носил, стирал, топил, подавал, слушал.

Через дворец, как он есть.

Не через трон.

Очень хорошо.

Первой привели Эдит — ключницу.

Женщина лет пятидесяти, сухопарая, с крепкими руками и лицом, которое выглядело бы суровым, если бы не умные, очень цепкие глаза. На поясе у нее действительно висела связка ключей, и при каждом шаге она тихо звенела, как маленькая личная власть.

Эдит поклонилась низко, но без униженности.

— Ваше величество.

— Садитесь, Эдит.

Она удивилась. Совсем чуть-чуть. Но села.

Я положила черный ключ на стол, не подвигая к ней.

— Узнаете?

Ее взгляд упал на металл.

В зрачках что-то мелькнуло быстрее, чем она успела спрятать.

— Возможно, ваше величество.

— Это не ответ.

— Тогда да. Узнаю.

— От чего он?

— От северного личного хранилища старой линии.
Такие ключи были только у трех человек.

— У каких?

— У королевы.

У ее камеристки.

И у хранителя семейных печатей.

Я почувствовала, как внутри медленно щелкает еще один замок.

Камеристка.

Хранитель печатей.

Прекрасно. Значит, круг сужается.

— Кто был камеристкой у снежной королевы?

— Сначала леди Астрид.

Потом, когда ее удалили от личных покоев, — госпожа Ровена.

Удалили.

Вот как.

— За что удалили?

Эдит опустила взгляд на секунду.

— Официально — за излишнее влияние.

— А неофициально?

— За то, что слишком много спорила с теми, кто приходил

говорить с королевой без свидетелей.

Я не изменилась в лице.

Хотя имя Астрид прозвучало внутри очень отчетливо.

— Ровена жива?

— Нет, ваше величество.

Умерла три года назад.

Удобно.

Очень удобно.

— А хранитель печатей?

— Лорд Хедрин.

Тот самый старик с совета.

Сухой, вежливый, слишком уверенный в том, что умеет расставлять людей по местам.

Хорошо.

Теперь он мне нравился еще меньше.

— Эдит, — сказала я тихо, — если бы кто-то захотел вынести из хранилища личные вещи королевы и делать это не

разово, а постепенно, кто смог бы?

Она молчала.

Я ждала.

— Только человек с внутренним доступом, — сказала она наконец. — Или тот, кому этот доступ открывали без записи.

— Без записи можно?

— Можно все, если приказ идет сверху.

И если очень хотят, чтобы следа не осталось.

— Ты видела такое?

— Нет.

Но я пережила достаточно зим, чтобы знать: пропажа вещи — это случайность. Пропажа памяти о вещи — уже работа.

Вот теперь я почти ощутила удовольствие.

Не потому, что ответы были приятны. Потому что наконец нашелся человек, который мыслит так же. Не поверхностно. Структурой.

— Ты хорошо говоришь, Эдит.

— Я хорошо запираю, ваше величество. И поэтому знаю цену тому, что исчезает.

— С этого дня цена может вырасти.

Если кто-то спросит тебя об этом ключе — ты его не видела.

— Да, ваше величество.

— А если заметишь, что какие-то старые секции замков меняли, смазывали или открывали не по правилам...

— Скажу вам.

— Не скажешь. Напишешь.

Коротко.

Без имен.

И передашь через Морвейн.

На этот раз она подняла на меня взгляд уже иначе.

Не как на больную королеву, вдруг увлекшуюся хранилищами.

Как на человека, который знает, что делает.

Очень хорошо.

Когда Эдит ушла, я даже не сразу заметила, что стою у окна с ключом в руке и улыбаюсь.

Не широко.

Не радостно.

Хищно.

Потому что впервые со времени пробуждения в этом теле я почувствовала настоящее движение под поверхностью.

Не только тайны прошлого.

Живую дворцовую сеть.

И возможность встроиться в нее не как жертва, а как центр притяжения.

Следующим пришел Торвальд.

Старший истопник оказался огромным мужчиной с обожженными руками, седой бородой и тихими глазами. От него пахло дымом, железом и теплым камнем — почти как от самого нижнего сердца дворца. Такие люди редко говорят лишнее, но если уж решают говорить, то без кружев.

Он стоял у двери как скала.

— Ваше величество.

— Торвальд. Скажи мне, кто чаще других ходит по старым северным проходам в последние месяцы.

Он даже не переспросил, откуда королева знает о старых северных проходах.

Умный человек.

— Те, кто не должен, — ответил он.

— Конкретнее.

— Люди западного крыла.

Двое стражников из внешней смены.

Иногда — слуга леди Эйлеры, тот, что с седой прядью.

И еще одна женщина.

Лица не видел. Ходит тихо.

Астрид?

Или не она?

— Когда чаще всего?

— Ночью.

Перед рассветом.

И после больших приемов.

Логично.

Время, когда двор особенно плохо помнит детали.

— А люди короля?

Торвальд чуть помедлил.

— Раньше — да.

Сейчас — реже.

Раньше.

Значит, дракон когда-то тоже искал там что-то свое.

Потом перестал?

Или ему запретили?

Или он понял, что за ним следят?

— Если я попрошу тебя кое-что сделать без записи и без свидетелей, — спросила я, — ты выполнишь?

Он посмотрел прямо.

— Смотря что именно.

Отличный ответ.

— Узнать, кто открывает северное хранилище. Не входя туда самому. Только след. Только время. Только привычка.

Он подумал.

— Да.

— Почему?

— Потому что дым поднимается вверх, ваше величество. А я давно вижу, где в этом доме пахнет не дровами, а ложью.

Вот после этого я поняла, что дворец действительно меняется.

Не сразу.

Не по щелчку.

Но слуги уже перестают смотреть на меня как на удобный призрак.

Они прислушиваются.

А это важнее страха.

Когда Торвальд ушел, я подошла к камину и подбросила в синее пламя тонкую полоску ароматной смолы. Огонь качнулся, стал выше. В комнате запахло зимней хвоей и холодным медом.

У меня дрожали пальцы.

Не от слабости.

От возбуждения мысли.

Эйлера вошла в уже треснувшую историю.

Лорд Хедрин держал печати.

Астрид была удалена.

Камеристка Ровена мертва.

Ключ всплыл именно сейчас.

И люди из западного крыла слишком интересуются тем, что лежит в старых стенах.

Слишком много для совпадения.

Достаточно для войны.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале.

Корона.

Светлые глаза.

Спокойное лицо.

И уже не та женщина, что очнулась на ледяной постели в панике.

— Ну что ж, — сказала я тихо. — Одну сторону мы уже начали собирать.

Именно в этот момент за дверью снова послышались шаги.

Легкие.

Торопливые.

Не Морвейн.

Не взрослый слуга.

Мира.

Я поняла это еще до того, как она влетела внутрь почти без стука, белая как снег, с распахнутыми глазами.

— Ваше величество... — выдохнула она. — Простите... но госпожу Нерет только что увели на допрос.

Люди из западного крыла.

И они спрашивают, не находил ли кто-то сегодня в бельевом коридоре старые вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.